

Дебри
„Так что мы смело говорим:
Господь мне помощник и не убоюсь:
что делает мне человек?“

(Послание св. Апостола Павла, XIII, 6)

БОРЬБА

ОРГАН
СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

МАИ

№ 9

1948 г.

№ 57/3753

На смену павшим,
В борьбе уставшим
- Мы идем!

Героям Русского Освободительного Движения
Жертвам политической дальновидности
"Борьба" № 9 посвящается.

ИТОГИ ПРОЙДЕННОГО.

Русское Освободительное Движение в его формах - союз с внешним врагом, и в его содержании - выражение воли народа, было обусловлено всем предыдущим ходом истории.

Большевицкая диктатура совершила небывалые преступления перед нашим народом. Не было еще в истории режима, который был бы так ненавидим своим собственным народом, как большевицкий режим. Не было еще в истории режима, свержения которого так жаждал бы народ. Но и не было в истории режима, который обладал бы таким аппаратом усовершенствованного террора и аппаратом изощренного политического сыска, как большевизм.

Все антисоветские выступления, как местные восстания, так и "дворцовые перевороты" были задушены НКВД. В результате ряда мероприятий советского государства, в стране утвердилась атмосфера подозрительности, недоверия и полного отчаяния. Система слежки и осведомления была так хитро продумана, что даже и порядочный человек был вынужден доносить на своего соседа о всем услышанном и подозрительном, ибо никто не знал, кто выражает искренне свое возмущение властью, а кто провоцирует. Карались не только лица, выразившие свое недовольство - карались все, кто о них знал, но своевременно не донес по начальству. Кроме того, государство время от времени проводило чистки, которые, по существу, были мероприятиями профилактического порядка: репрессиям подвергались те лица, которые, не выражая своих мыслей вслух, могли быть опасны власти по своему интеллекту или настроениям в будущем.

Естественно, что в такой обстановке все оппозиционные власти силы ушли в себя", затаились, поджидая благоприятный момент для сведения счетов со властью. Противники власти в тесном кругу своих близких людей все чаще и чаще повторяли одну и ту же фразу: "вот придет война..."

И война грянула... Никогда не зафиксированные прежде историей массовые сдачи в плен, встречи с хлебом и солью иностранных захватчиков, массовый саботаж в тылу отступающих армий - таковы были результаты первых месяцев войны, подготовленные и узаконенные 24-х летней практикой большевизма.

Война открыла новые, неслыханные ранее явления - люди, оказавшиеся на территории, захваченной врагом, брали в руки оружие и добровольно переходили в чужую форму. Переходящие на сторону врага бывшие военнослужащие Красной Армии изъявляли свое желание бороться вместе с ним против большевизма... Психологическая оппозиция советской власти выявилась после первых выстрелов войны в стихийное вооруженное движение народа против ненавистного режима.

Перед русскими патриотами, беспокоящимися за судьбы своей Родины за ее будущее встала задача оформить организационно и идейно народное движение и превратить его в мощный политический фактор.

Так, в конце 1942 года "для объединения русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом" (листовка Русского Комитета) был создан Русский Комитет.

Его создателями были бывшие генералы Красной Армии А.А. Власов, В.Ф. Малышкин.

Программа Русского Комитета была изложена в 13-ти пунктах, названных по месту их опубликования "смоленскими".

С самого начала создания Русского Комитета и до капитуляции Германии между людьми, пришедшими к руководству Движением, и вождями национал-социализма шла глухая непрекращающаяся борьба, принимавшая разнообразные характеры и оттенки.

Руководство Движением смотрело на национал-социалистическую Германию, как на единственного в то время союзника, который, предоставив свою территорию и средства, помог бы российским антибольшевистским силам оформиться в самостоятельную политическую формацию, способную вне зависимости от иностранных претензий разрешить российский вопрос.

Национал-социалистическая Германия расценивала русское Освободительное Движение, как нежелательный здоровый зародыш новой национальной независимой России, но стремилась использовать его, как резервуар людских резервов.

В атмосфере взаимной неприязни и недоверия, но обоюдного признания необходимости взаимных тактических уступок и дипломатических компромиссов развивалось и крепло русское Освободительное Движение, политически независимое от национал-социалистической Германии.

Весьма характерно для зарождающегося Движения, что 13 смоленских пунктов, которые были наспех набросаны инициаторами организованной борьбы, совершенно не носили оттенка тоталитарного режима Гитлера. Так, в § 7 тринадцати пунктов стояло:

"Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища."

Еще характернее для Движения была принципиальность в вопросах сохранения чести и независимости России.

В начале 1943 года генерал Власов, выступая в Минском кинотеатре, заявил:

"Только какие-нибудь пережитки кайзеровской Германии могут мечтать о порабощении России. Нелепо думать, что семидесятиmillionный народ может поработить сто семидесятиmillionный народ России. Генерал Малышкин в июле 1943 года, будучи в Париже, заявил собравшимся эмигрантам и военнопленным:

"Никогда Россия рабской страной не была. Она не была никогда чьей-нибудь колонией и не будет. Россию завоевать невозможно. Россия может быть побеждена только Россией. Мы верим в то, что Россия, новая Россия, целостная национальная Россия восторжествует, будет жить, и только за это мы все готовы отдать свои жизни."

Национал-социализм саботировал русское Освободительное Движение. Теперь, после его разгрома, после оглашения в Нюрнберге его тайных документов, среди которых были директивы о торможении Движения, это стало известно всей зарубежной общественности. Тогда все это было ясным лишь только для участников Движения, непосредственно сталкивавшихся с нацистами.

Перед руководством русского Освободительного Движения во всей своей остроте встал вопрос будущего России, будущего ее народов. Прощаясь с нацистами и его последователями встала дилемма:

- Что делать? Или отказаться от сотрудничества с нечестным и незадачившим союзником и тем самым отдать на преждевременный разгром Движение, или во имя будущего пожертвовать собой, пожертвовать своим именем, но использовать обстановку для развития и углубления политического движения народов России.

Власов и его сторонники сознавали, что разгром Германии - дело времени. Они понимали, что дальнейший ход истории столкнет большевизм с демократическими силами, и в этой борьбе, именно в этой, решится судьба народов России.

Власов с тревогой следил за восточным театром войны. Большевизм перешел границы России и катился неумолимой всепоглащающей лавой на Европу. Жертвой большевизма стали союзники демократии - Польша и Югославия. Народы малых государств бежали со своих насиженных мест в страхе перед красной чумой. Таким образом, большевизм уже в то время автоматически вступил в конфликт с международной демократией.

Интересы наших народов, интересы нашей Родины требовали, чтобы весь мир воочию убедился, что большевизм - это не русский народ, что существует мощная организованная российская антибольшевистская сила, демократически целеустремленная, непримиримо враждебная к тоталитарно-террористическому агрессивному большевизму.

По дальновидным расчетам руководства Движением, наличие такой силы должно бы превратить надвигающийся конфликт демократии всего мира с большевизмом в быструю и сравнительно бескровную народную освободительную российскую революцию.

Несмотря на контроль немецких зондерфюреров, несмотря на умышленную изоляцию русских формирований от руководства Движением, несмотря на запрещение власовской пропаганды среди остовских рабочих, в центре Движения идет упорная борьба за демократическую идеологию, а на низах, среди добровольцев, военнопленных и остовцев солдаты и офицеры, прошедшие школу Дабендорф, ведут неутомимую пропаганду идей русского Освободительного Движения, добиваясь идеологического единства народов России, оказавшихся на немецкой территории. Одновременно с этим пропагандисты РОА, прямо на передовой линии, используя радио и микрофоны, ведут пропаганду среди солдат наступающей Красной Армии.

К концу 1944 года организуется Комитет Освобождения Народов России, который провозглашает 14-го ноября Пражский Манифест.

Провозглашение Манифеста было поистине историческим событием. Собрания, организованные в связи с провозглашением Манифеста, показали воочию, что Освободительное Движение имеет глубокие корни. Тысячная толпа перед отелем "Европа" желающих увидеть генерала Власова, 800 тысяч заявлений в штабе Трухина о желании вступить в РОА, многочисленные группы танковых и летных частей Красной Армии связаться с Власовым для совместного удара по большевизму - таковы показательные факты, что Освободительное Движение явилось подлинным выражением воли подъяремной России, и что это Движение в своей борьбе найдет поддержку среди многоmillionных народов России, ибо оно глубоко народное и демократическое.

Верность своим демократическим принципам русское Освободительное Движение показало на деле в последние дни национал-социалистической Германии, когда 5-го мая части дивизии Буниченко по приказу генерала Власова с боя освободили Прагу от СС-овских частей и тем самым спасли оставших против национал-социалистического гнета чехов от жестокой расправы.

Власов часто говорил своим воспитанникам любимую им фразу: "Время работает на нас". В дни, когда Красная Армия уже вторгалась в Европу, он спокойно и уверенно говорил очередному выпуску школы Дабендорф: "Время работает на нас. Борьба против большевизма только начнется." Среди добровольцев РОА особенно популярна была власовская фраза: "В 1945 году, когда будет отцветать сирень, мы будем добивать татки большевизма на родной земле."

Для каждого участника Движения эти короткие фразы означали большой смысл: они раскрывали сущность Движения, как политической силы, зародившейся и развивающейся вне зависимости от периодически изменяющейся обстановки, но использующей эту обстановку для достижения основной цели. Иными словами, Движение вело борьбу с полным сознанием, что политические союзники сменятся и разгром Германии будет началом решительной борьбы за освобождение России от большевизма.

Приближалась историческая дата 9-го мая 1945 года. Участники Движения, отстоявшие в суровой борьбе свою демократичность, участники Движения, представлявшего собой реальную угрозу большевизму, ни минуты не сомневались, что они в лице демократий обретают нового и надежного союзника в борьбе с обще-мировой опасностью.

Три года тому назад произошла какая-то историческая нелепость: Движение, носившее принципиально-демократический характер, Движение целиком рассчитанное на понимание и помощь демократических сил всего мира... захлебнулось под ударами демократий...

Могучее, идейно и организационно оформленное антикоммунистическое Движение с выцветшим ведущим кадром, с опытным аппаратом агитации и пропаганды, с боеспособной армией - было сломлено, обезглавлено, морально придушено и обескровлено.

Судьба обманула руководителей Освободительного Движения. И они сами, и многочисленные кадры Движения, и даже целые государства и народы пали жертвой гнилого и беспринципного компромисса между великими державами и большевизмом, в результате которого свыше 90-ста миллионов очутилось под большевистским сапогом; в результате которого над человечеством нависла угроза 3-ей мировой войны.

Значит, были правы бескомпромиссные руководители русского Освободительного Движения, а не деятели государственных масштабов, пошедшие по линии наименьшего сопротивления, по линии уступок и сговора с большевизмом.

Спрашивается, не напрасно ли пролита кровь, не напрасно ли погибли наши лучшие люди?

Нет, не напрасно!

Власов и его соратники пали жертвами их политической дальновидности.

Русское Освободительное Движение сыграло историческую роль, которая будет иметь большое значение как в судьбе нашей Родины, так и в судьбе всего мира.

Своим существованием Движение доказало всему миру, что "существует иная Россия", глубоко враждебная большевизму и его делам - Россия, которая ждет подходящего момента, чтобы утвердить себя с оружием в руках во имя национальной свободы" (Е. Лайонс "Загадочная армия генерала Власова").

Движение указало всему миру единственно правильный путь борьбы с большевизмом - путь честного союза с народами России.

Народы, поработанные большевизмом, в первую очередь чехи и словаки, помнят предупреждающие разоблачения власовцами и знают, что наряду с большевиками есть и другие "русские", которые с оружием в руках пришли им на помощь в трудную минуту и, освободив Прагу, предоставили им право самим решать свою собственную судьбу. В результате существования Русского Освободительного Движения никто не имеет права обвинить русских людей в большевизме, обвинить их в чудовищных преступлениях, совершенных большевизмом в Европе. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия спасли честь русского имени.

Русское Освободительное Движение впервые в истории борьбы с большевизмом идейно и организационно оформило стихийное народное возмущение сталинским режимом, придав ему формы освободительного демократического движения. Творческая антибольшевистская идея русского Освободительного Движения в результате власовской пропаганды

считывал на "поправление" советской власти после войны, толкают их на поиски нового выхода и, естественно, приводят к признанию правительности власовского пути. Вот почему после капитуляции отдельные советские офицеры, ставя на карту свою собственную жизнь, спасали власовцев. Вот почему совсем неожиданно иногда появляются отряды власовцев в самых отдаленных уголках России. Имя власовца стало нарицательным на Родине; оно обозначает - "противник большевизма".

Русское Освободительное Движение пробудило к борьбе самые широкие слои народа, временно оказавшегося на германской территории и создало атмосферу революционной напряженности, в которой ковались кадры будущих борцов.

Наконец, Русское Освободительное Движение, в лице своих пропагандистов, спасло от произвола и голода миллионы советских военнопленных, от защиты которых отказался Сталин; оно же взяло под свою защиту и бесправных остовских рабочих.

Резюмируя все вышеизложенное, следует заявить, что Русское Освободительное Движение явилось мужественным шагом верных сынов России, вызванным исторической необходимостью, диктуемым интересами России и всего мира.

Народы России в лице Власовского Движения и в лице Русской Освободительной Армии в минувший период выполнили перед миром и перед народами, поработанными большевизмом, свой долг до конца.

На смену павшим,
В борьбе уставшим
- Мы идем!

Наш долг не выронить из рук власовских знамен до полной победы над большевизмом, до утверждения в России нового свободного строя, до воплощения в жизнь подлинной воли народа.

====ooOoo====

ПОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ.

Под Смоленском хороши березы,
Частый ельник, да сосновый бор.
Там зимой суровые морозы,
Летом - заболоченный простор.

Пусть грустил и пусть болели ноги,
Для победы не жалеют сил,
Минами изрытые дороги
В том краю я все исколесил.

Зеленело поле рьяной рожью,
Лес манил прилечь и отдохнуть.
День и ночь мы шли по бездорожью,
Отмечая кровью смелый путь.

В блиндаже, используя затишье,
Я читал о Родине стихи,
И, казалось, что мне снова слышно,
Как поют в деревне петухи.

Как страшна чертовская затея!
Кто принес на этот свет беду?
Враг бежал и, отдохнуть не смея,
Зажигал селенья на ходу.

Все прошло, земля опять остыла,
А хлеба заколосились вновь.
Только тропы помнят все, что было
Молодую огневую кровь.

Отшумели, отгремели грозы,
Но судьба домой не привела...
Под Смоленском шепчутся березы
Про былые славные дела.

В.

ВЫСОКО, КАК ЗНАМЯ,
НЕСИТЕ ГОРДОЕ ИМЯ ВЛАСОВЦА -
- СИМВОЛ НАШЕЙ НЕПРИМИРИМОСТИ!

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ.

19-го мая 1948 года Совет Боевого Союза Молодежи Народов России обсудил вопрос о переименовании организации.

Этот вопрос одновременно возник в Центре Союза и в ряде низовых организаций, приславших свои заявления в Центр, основанные на следующем:

Задачи и цели Союза далеко выходят за рамки молодежной организации;

БСМНР в процессе выполнения поставленных перед собою задач охватил своей работой широкие круги старшего поколения;

Организация значительно расширилась за счет старшего поколения.

В настоящее время многие из представителей политической эмиграции всех возрастов изъявляют желание вступить в БСМНР.

Исходя из этого Совет Союза единогласным решением постановил:

1. Утвердить БСМНР общей массовой политической организацией;
2. БСМНР переименовать в Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР);
3. Организовать при СБОНР"е секцию молодежи;
4. Признавая АЦОДНР руководящим органом освободительного движения народов России, обратиться в Центральную Коллегию АЦОДНР с заявлением об утверждении Союза Борьбы за Освобождение Народов России массово-политической организацией Освободительного Движения с оставлением за ним свободы, присущей каждой общественно-политической организации.

26-го мая 1948 года вопрос о Союзе был поставлен на заседании Центральной Коллегии АЦОДНР, которая приняла нижеследующее решение:

- А. Считать целесообразным преобразование БСМНР в СБОНР, как соответствующее сущности Союза, перешедшего рамки молодежной организации;
- В. Принять к сведению заявление СБОНР о признании им политического руководства АЦОДНР;
- С. Признать СБОНР массовой политической организацией АЦОДНР;
- Е. Рекомендовать образование смешанной комиссии из представителей СБОНР и САФ для гармонического сочетания деятельности обеих организаций;
- Д. Призвать СБОНР и САФ, как две основные массовые организации АЦОДНР, к дружному сотрудничеству на благо Освободительного Движения Народов России.

(Выписка из протокола заседания Центральной Коллегии АЦОДНР от 26-го мая 48 г.)

По поручению Совета Союза
Центральная Тройка.

====ooOoo====

ИВРАГА НАДО БИТЬ НЕ РАСТОПЫРЕННЫМИ ПАЛЬЦАМИ, А СЖАТЫМ КУЛАКОМ.

А. А. Власов.

О ПОЗИЦИИ ПОРАЖЕНЧЕСТВА.

Почти каждая эмиграция, так или иначе, всегда становится на пути пораженчества. Большевистская эмиграция, приведшая в конце-концов Россию к "пахобному" Брестскому миру в этом отношении не на много отличалась от эмигрантской аристократии времен Французской революции, мечтавшей о восстановлении собственного величия при помощи дружественных (впрочем, все равно - каких) штыков. Если между ними и есть разница, то пожалуй, она сводится к тому, что французским аристократам было почти не жалко проливать кровь на интересы России и ее народов.

Не стремясь к определению чистоплотности такой позиции (это давно уже сделано), мы хотим обратить внимание именно на то обстоятельство, что подобная тактика всегда была свойственна исторически обособленному меньшинству, которое, во имя своих личных интересов, старалось навязать свою волю большинству своего же собственного народа. Где же было им искать опору, на какие силы рассчитывать, с кем искать тесного сотрудничества и союза, как не со внешними силами, так или иначе заинтересованными в том же, в чем и они сами.

Если французские аристократы бросились на службу в английскую, австрийскую и русские армии и с пеной у рта призывали на борьбу с санюкютами, а потом с узурпатором власти, то большевистские эмигранты возвели пораженчество в тактическую и программную доктрину, в программное положение, обязательное не только для большевиков, но для каждой коммунистической партии. Им так же программное положение "исторически" необходимо, которую они силой хотят навязать всем. А это может удасться только тогда, когда реальная подоплека ставки на поражение собственной буржуазии, занимаемой всеми коммунистическими партиями мира, именно в результате развития и углубления этой линии родились "пятое колонны". Пораженчество во что бы то ни стало - вот программное положение, логически вытекающее из стремления навязать всю меньшинства большинства.

Наша современная эмиграция, как почти всякая политическая эмиграция, тоже проявляет значительные тенденции скатиться к пораженческой программе, идя в этом отношении по линии наименьшего сопротивления, не стремясь трезво взвесить все обстоятельства и последствия, вытекающие из программного пораженчества.

Прежде всего, нужно твердо усвоить, что между программным пораженчеством и тактическим пораженчеством - "дистанция огромного размера". Если первое всегда "пахобно", независимо от того, какой бы "исторической оправданностью" оно не прикрывалось, то второе, при определенной политической и тактической обстановке совершенно необходимо.

Однако, об этом речь впереди. Сейчас же следует определить пункт за пунктом все положения, вытекающие из программного пораженчества:

- 1) Принимая программу пораженчества, мы тем самым утверждали бы ложное положение, что борьба против большевизма есть борьба меньшинства против большинства;
- 2) Из вышеизложенного логически вытекает другое ложное положение о большевизме, что они являются опорой и преступная дезинформация, нужная только лишь большевикам, может привести к таким последствиям, от которых может содрогнуться весь мир;
- 3) Подписываясь под программой пораженчества, мы тем самым дали согласие о переходе с позиций политической эмиграции на беспринципность эмигрантских обывателей, т.е. (по существу) сами вынесли бы себе приговор о политической кастрации. Подобное...

эмигрантскую рутину как нельзя кстати большевикам, которые не скупятся на средства для разложения эмиграции;

4) Стремясь к войне мы, по выражению французского ученого, "уподоблялись бы детям, играющим со спичками у пороховой бочки", ибо нельзя предугадать, что принесет война и народам России, и всему миру;

5) Новое государство, достигнутое только через программу поражения, если оно даже и будет (чаще его не бывает, или оно представляет собой жалкую пародию на государство) - никогда не будет государством сообразно воле народа.

Таким образом, совершенно очевидно, что программное поражение, т.е. установка на достижение нашей общей цели только путем войны - есть положение неверное, порочное и реальной обстановкой отнюдь не вызываемое.

Мы прекрасно знаем, что борьба против большевизма есть борьба подавляющего большинства против незначительной кучки узурпаторов, державшихся у власти обманом и террором. Мы также знаем, что между этой кучкой и массой народа лежит все расширяющаяся и углубляющаяся пропасть, что между ними стена ненависти и злобы.

Мы твердо знаем, что несмотря ни на что наши народы боролись, борются и будут бороться против ненавистной власти, что наряду с борющимися есть пламенные борцы за свободу.

Дело борьбы с большевизмом не только как со злом направленным в первую очередь на наши народы, но и как с мировым злом, нашедшим свою материальную и физическую базу на территории нашей Родины, стремящимся руками наших народов поработить мир, есть прежде всего дело наших народов, наше внутреннее дело. Мы не имеем морального права, не имеем никаких исторических оправданий в какой бы то ни было мере кустраться от борьбы с тем, что по нашей собственной оплошности одолило и укрепилось на нашей Родине и теперь угрожает всему миру. Мы не должны и не можем ждать, когда возмущенный мир вступит в открытую борьбу с большевизмом. Это не есть логический смысл, а просто обобщение исторического опыта последних десятилетий. Народы России давно вступили на путь революционной борьбы с большевизмом и мы не имеем права уклоняться от него. Это есть обобщение простого жизненного опыта; следовательно не нужно доказывать того, что желая построить для себя келамый новый дом, за это берутся сами, а не надеются, что это сделает сосед. Таким образом, трезво и объективно оценив обстановку, мы должны твердо заявить: мы против пораженческой программы. Мы еще раз должны заявить то, что всегда подчеркивалось власовским движением и его идеологией - мы за революционную борьбу народов России против антинародной власти.

Это не есть самый легкий путь для нас - наоборот, это самый трудный путь, но в то же время и единственно правильный, исторически оправданный. Народы России идут им вот уже 30 лет, понесли на этом пути неисчислимые кровавые жертвы и, хотя они еще и не достигли своей цели, это не значит, что избранный ими путь не верен, что он не приведет к победе.

Пораженцы - противники революционного пути, стремятся доказать, что революция в Советском Союзе невозможна, что совестный аппарат подавления слишком силен, что все попытки потерпели неудачу и на такую же неудачу обречены все попытки новые.

Но все эти заявления слишком поверхностны и не обоснованы. Они предназначены прежде всего для успокоения собственной совести, для оправдания своего безволия и бездействия.

Может быть, революция в ее обычном понимании, т.е. как широко организованное народное выступление, подготовленное единым революционным центром и невозможное, точно также как и невозможна даже подпольная устная агитация и пропаганда. Но надо смотреть шире. Не ограничиваясь на формальный путь, нужно считать, что революцией является любое изменение строя, проведенное народом, в

рода. Такое насильственное изменение строя на нашей Родине рано или поздно произойдет. Вопрос сводится только к революционным формам" тактике и материальным ресурсам. Можно с уверенностью сказать, что революционные формы и тактика народной борьбы, против которой окажутся бессильны все большевистские методы подавления, будут найдены или уже найдены. Нужно никогда не забывать, что в конечном счете всякая власть даже самая тираническая, проводит в жизнь свою политику руками народа и может это делать только до тех пор, пока народ не выйдет из повиновения. Найти слабые звенья большевистской системы, парализовать ее и тем самым нарушить преимущество власти перед народом - вот первая задача революционеров.

В какие формы все это выльется сейчас говорить неуместно. Но такие формы есть и они будут жизненными, если получат необходимую материальную базу. А вот материальной базы пока что и нет, но она необходима, ибо "все революции всегда финансировались", как гласит кем то брошюрная крылатая фраза. Должна финансироваться и грядущая народная революция, призванная освободить нашу Родину от власти большевиков. Пока что подчеркиваем, такого финансирования нет, но оно неизбежно будет. Переменой мир все более ясно и грозно вырастают две опасности: коммунистическими волнами, грозящими захлестнуть мир, мир неизбежно придет, если хватит времени, к мысли о необходимости поддержки нашей революции. Таким образом, время работает на нас. Следует отметить, что признание и принятие помощи ни в коем случае не является какой-либо формой поражения, особенно, если эта помощь будет оказана "на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей Родины", вне зависимости от размеров этой помощи.

Эта помощь для стороны ее оказывающей, прежде всего, будет являться актом, свидетельствующим о высшей политической и даже хозяйственной зрелости этой страны, т.к. это будет свидетельствовать о правильном и четком представлении мировой и внутрироссийской обстановки, будет свидетельствовать и понимание неизбежного краха всей операции при ростовщических условиях помощи.

Все это вместе взятое усугубляется и подчеркивается тем обстоятельством, что размер этой помощи должен быть весьма значителен, а сама акция оказания помощи, на первый взгляд, имеет значительный элемент риска.

Преодоление всех этих психологических, политических и экономических препятствий безусловно требует времени. Перед миром все яснее и рельефнее встает вопрос именно в нашем освещении, но ход мировых исторических процессов имеет свои законы, свои скрытые пружины, свои тактические недомолвки и политические маскировки...

Расколовшийся на две, противостоящие друг другу, части мир может прорваться войной раньше, нежели наши установки, наша генеральная линия будут поняты, а следовательно, и приняты. Этот вариант может быть наиболее вероятным. Но даже и в этом случае мы не должны отказываться от правильных сегодняшних взглядов, т.е. не должны стать программными поженцами. Возникновение войны только вплотную поставит перед нами вопрос тактического поражения, т.е. вопрос о нашей тактике в определенной исторической момент, вопрос о нашем отношении к войне и о нашей позиции в ней. Но в то же самое время возникновение войны не означает для нас прекращения революционной работы, а наоборот, означает предельное напряжение сил в целях использования момента для дела народной революции.

Быть программным пораженцем это значит воевать на стороне внешнего противника, не ставя перед собой никаких вопросов будущего своей Родины. Быть тактическим пораженцем в войне это значит, прежде всего, использовать войну для дела революции, это значит быть в союзе с внешним врагом большевизма, но форма союза и мера верности до конца этого союза определяется мерой того, насколько он, этот союз, отвечает

Подводя итоги и ставя точки над "и", мы должны сказать: программное поражение — это печальный удел многих из числа "Ваших Высших превосходительств". Оно означает измену интересам народа, превращение в политического обывателя, оно означает очень невысокую принципиальность, непонимание мировой и внутрироссийской обстановки во всем ее объеме и безмолвное согласие на роль третьей пристяжной в колеснице победителя.

Отказ от программного поражения означает путь революционной борьбы вместе со всем народом, во имя его интересов, а это означает воплощение воли народа в жизнь, означает преимущественное право голов наших народов в решении судьбы нашей Родины, нашей собственной судьбы.

В. Камышин.

О КРАСНОМ ФАШИЗМЕ ИЛИ К ЧЕМУ МОГУТ ПРИВЕСТИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НЕДОРОСЛИ.

Последнее время в русской антибольшевистской печати все чаще и чаще мелькает звонкий термин "красный фашизм". Все чаще и чаще попадают на глаза следующие безапелляционные утверждения: "Большевизм — это красный фашизм", "Тоталитарная идеология красного фашизма", "Фашизм являлся перекрашенным двойником большевизма", и т.д.

Общезвестно, что обе государственно-политические системы характеризуются внутренним террором и внешней агрессивностью, но это сходство чисто внешнее. Террор большевизма и фашизма совершенно различны по своей направленности, а агрессивность обеих проводится совершенно различным путем. Террор и агрессивность были свойственны очень многим государствам и государственным системам прошлого, например, колониальным империям, не имевшим ничего общего ни с фашизмом, ни с большевизмом, но действовавшим чисто "фашистскими" или "большевистскими" методами. Поэтому параллель между фашизмом и большевизмом является поверхностной и искажает истинную суть обеих систем.

Разберем состоятельность этой на многое претендующей параллели.

Любая государственная система характеризуется, прежде всего, экономической системой, внутренней политикой, внешней политикой и отношением народа к данному режиму.

Сравним все эти стороны фашизма и большевизма. Экономика итальянского фашизма и германского национал-социализма в корне отличалась от большевизма на всех этапах ее развития.

При фашизме продолжали спокойно существовать как индивидуальное сельское хозяйство и частные мелкие предприятия, так и огромные капиталистические фирмы и концерны, типа заводов Капрони, Крупна, Юнкерса и Г. Фарбен-индустрии и т.д., фашизм никогда не уничтожал частной инициативы. Фашизм и особенно национал-социализм, только заставлял работать на себя по своим планам уже существующую, исторически сложившуюся и оправданную жизнью буржуазную экономику, не разрушая ее основы. Экономика фашистских государств не переживала таких насильственных потрясений, как при большевизме, как-то: национализация всех частных предприятий, запрещение частной торговли, раскулачивание, коллективизация и массовое уничтожение старой технической интеллигенции во время кредитных процессов.

Фашистское руководство не ставило своей задачей перекраивание экономики по кабинетным схемам какого-нибудь "фашистского Маркса", оно, в данном случае, не ставило "социально-экономического эксперимента в государственных масштабах", подчиненного какому бы то ни было "растройному" социальному учению; фашистское руководство просто старалось из уже имеющейся экономической системы максимум средств для достижения своих агрессивных целей. Экономика фашизма была в первую очередь утилитарной, а не идеократической (экономика, подчиненная идее).

Большевизм же начал с насильственного разрушения исторически сложившихся экономических отношений. Он разрушил прежнюю экономику и на месте ее построил свою, основанную на оторванных от жизни, надуманных и, в подавляющем большинстве случаев, противоречащих здравому смыслу социально-экономических планах Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. "Весь мир насильем мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим" (Интернационал), или проще: "старое разроем — новое построим". Таким образом, большевизм поставил "социальный эксперимент" в государственном масштабе, стремясь воплотить в жизнь схоластическое социально-экономическое учение. В противоположность фашизму — большевистская экономика идеократическая, а не утилитарная.

В результате, экономика фашистских государств была несравненно рентабельнее и продуктивнее экономики большевистского государства. Это видно из того, что природные богатства фашистских стран были значительно беднее природных богатств большевистского Советского Союза, а население этих стран жило несравненно богаче, чем население Советского Союза. Нерентабельная военная промышленность, в одинаковой степени, форсировалась обоими диктатурами.

Внутренний политический режим большевизма тоже принципиально отличается от фашистского режима по своему содержанию, несмотря на все сходство форм и приемов у обеих диктатур.

Большевизм массами уничтожал прежде всего своих **КЛАССОВЫХ ПРОТИВНИКОВ** — аристократию, царское офицерство, духовенство, промышленников, торговцев, старую интеллигенцию, зажиточное крестьянство, независимо от того, какой национальности они принадлежали. Одновременно большевизм выдвигал на самые видные руководящие посты наиболее ответственных коммунистов также независимо от их национальной и расовой принадлежности. Наиболее мощная ветвь фашизма — германский национал-социализм — классовых врагов у фашизма не было.

В национальном вопросе большевизм был гораздо практичнее фашизма, так как его национальная программа не была оторвана от жизни. Фашистская же национальная политика строилась на абстрактных выдумках таких местечковых теоретиков, как Гитлер и Розенберг. Фашизм в национальном вопросе вел себя так, как большевизм в вопросах социологии и экономики. Мы не ошибемся, если охарактеризуем национал-социализм, как национал-садизм, а большевистский социализм, как социал-садизм.

Что касается действительных и активных политических врагов, то обе диктатуры расправлялись с ними с одинаковым упорством и жестокостью. Если перед большевистской диктатурой были равны все нации, то перед фашистской диктатурой были равны все сословия и классы. Большевизм уничтожал или возвышал представителей каждой нации, а фашизм уничтожал или возвышал представителей каждого сословия или класса. (Поэтому, совершенно неверно).

Только в самое последнее время, в отношении таких малых народов, как калмыки, крымские татары или чичено-ингуши, большевизм стал применять чисто-фашистские методы массовых ссылки, хотя и тут истинная подоплека была не расовая, а социальная, т.к. это были самобытные, чисто крестьянские и религиозные народы (т.е. классово-чуждые), которые оказались особенно невосприимчивыми к большевистской политической силе. Пороховые ссылки этих народов вовсе не означают, что массовые ссылки не коснулись русского, украинского или белорусского народов. И в том случае большевизм не отрепился от принципа "интернационализации".

Внутренняя пропаганда фашизма была направлена, в первую очередь, на узко-национального шовинизма. Одновременно фашистская пропаганда выступала против классовой борьбы; классовой, сословной и расовой розни и систематически внушало народу мысль о национальном единстве.

И действительно, фашизм и в себе...

социализму, перед войной удалось добиться национального единства. В том была и сила и слабость всех фашизмов, и в первую очередь, германского. Национал-социализм был крепок на своей территории, но как только он перешагнул границы, число его врагов начало расти в геометрической прогрессии. Новых искренних союзников он не мог приобрести, так как национальные элементы побежденных стран автоматически становились врагами фашизма - завоевателя. Даже коммунисты побежденных стран оперировали во время подпольной борьбы национальным, а не коммунистическими лозунгами. Никаким коммунистам и в голову не приходило пробуждать "национальное самосознание" у СС-овцев или у чинов Вермахта. Действительно Гитлер был ближе к истине, чем думал, когда говорил, что "национализм товар не для экспорта". Правда, на восточном фронте национализм имел многих вынужденных союзников, которые вовсе не разделяли нацистских программ и будучи враждебны к ним примкнули к нацизму перед общей угрозой большевизма. Но сам нацизм не давал этим силам возможности развернуться.

В своей завоевательной политике фашизм делал ставку исключительно на внутренние силы своей страны и нации. Он открыто говорил, что после победы его нация займет господствующее и привилегированное положение нового дворянства, а побежденные нации будут либо уничтожены, либо поработаны и займут положение новых крепостных. Это были искренние намерения фашистского руководства, а не конъюнктурная демагогия, направленная на то, чтобы материально заинтересовать своих солдат и оставить их тем самым лучше драться. Так, фашистское руководство начало проводить свою политику на оккупированных территориях, частью в глубоком тылу своих армий. С военной точки зрения это было преждевременно и очень опасно, так как это пораждало массовое партизанское движение и способствовало разгрому фашизма. Политическая тактика фашизма совпадала с его политической стратегией. Фашизм продемонстрировал блистательную тактическую прямолинейность и исключительную политическую неповоротливость.

Несмотря на свою бьющую в глаза аморальность, примитивность и варварство, лозунги фашизма оказались доходчивы и заманчивы для основной массы собственного населения, которое оказало, к началу войны, сплоченным с фашистским правительством и поддерживало его военные начинания не за страх, а за совесть. Фашистским планам противились только отдельные чейтные и дальновидные личности и малочисленные группы. Массовый отход собственного населения от фашизма и активное сопротивление ему начался только после военных катастроф, когда стало ясно, что фашизм обманул надежды собственной нации, что он безнадежно проиграл войну, что населению фашистских стран предстоит не господство над побежденными народами, а расплата за все злодеяния.

В Противоположность фашизму, внутренняя пропаганда большевизма направлена на доказательство превосходства своей государственно-политической системы, а вовсе не на доказательство расового или национального превосходства "советского народа". Советская пропаганда без устали твердила и утверждает, что в капиталистическом окружении царит финансовая олигархия и благами жизни пользуются только представители монопольного капитала и их приспешники, а основная масса трудового народа бедствует. Отсюда неизбежна пролетарская коммунистическая революция, торжество коммунизма и установление советской власти во всем мире. Трудящиеся всего мира якобы только и ждут того часа, когда Советский Союз освободит их от капиталистического рабства и они в предстоящей схватке двукратно превосходят союзниками большевистского Советского Союза. Большевишская пропаганда систематически внушала своему населению, что роль Советского Союза в будущей войне будет чисто освободительная. Но надуманные кабинетные планы построения коммунистического общества оказались нежизненны, а проведение их в жизнь - социальная вивисекция для народа только небывалые страдания и нищету. Поэтому народ, с сомнением относившийся к коммунистическим планам, по мере приближения к коммунизму и идеям

всего мира. Более того в народе живы воспоминания о спокойной, нормальной и захватной жизни до построения коммунизма, и он только и мечтает о том, как при первой возможности самому вернуться к старому добру времени, а вовсе не о том, чтобы сокрушить "мировую капиталистическую систему". Поэтому в большевистском Советском Союзе идет непрерывная скрытая, а при первой возможности, открытая борьба с коммунистическим режимом.

Свыше 30-ти миллионов погибших, 20-ти миллионов заключенных, миллионы казни представителей всех слоев населения, от простых рабочих крестьян до маршалов и министров, наконец, наличие гигантского аппарата террора и сыска - неопровержимо доказывает существование этой борьбы. И коммунистическая власть, несмотря на то, что ей до сих пор удалось справиться со своими политическими врагами, не чувствует себя уверенно. Состояние нервозности и неуверенности выражается в том, что она систематически уничтожает массы тех, кто, по ее мнению, только может быть для нее когда-либо опасен. До этого никогда не доходил ни один фашизм.

Мы видим, что коммунистическому правительству абсолютно не удалось создать каково-либо единства народа с властью. Наоборот, история еще не знала режима, более ненавидимого собственным народом. В этом коренное отличие от фашизма.

Завоевательная политика большевизма своеобразна и сложна. Большевишское руководство отлично сознает свою экономическую отсталость и политическую неустойчивость, но в военном столкновении он рассчитывает не только на свою силу, но и на помощь своих единомышленников в тылах противника. Пока что, большевизм успешно компенсировал свою внутреннюю слабость организацией зарубежной пропаганды, агентуры и международных интриг.

Зарубежная большевишская пропаганда, с одной стороны, с непревзойденным мастерством вскрывает и раздувает слабые стороны и ошибки своих вероятных противников, с другой стороны, она с немалым мастерством выставляет на показ и преувеличивает действительные и мнимые успехи коммунизма, и, само собой разумеется, всеми силами затушевывает свои отрицательные стороны.

Пропаганда уделяется максимум внимания и на нее тратятся огромные средства, она прекрасно оформляется, не встречает равнодушной контрпропаганды и оказывает свое действие. Помимо грандиозного размаха и прекрасной технической постановки, успех коммунистической пропаганды обуславливается красотой и гуманизмом утопических коммунистических лозунгов: "долой эксплуатацию человека человеком", "всеобщий мир", "свобода и равенство всех народов". Прав был Бокль, когда сказал, что "самые гнусные дела всегда прикрываются самыми красивыми идеями".

Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма. Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма.

Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма. Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма.

Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма. Искушенные и наивные лидеры зарубежных компартий ведают, что им хочется верить и поощряют ряды зарубежных компартий - зарубежную агентуру коммунизма.

осредственно проводимой в жизнь коммунистами их же национальностей. Нет нужды дальше доказывать различие между диктатурой большевистской и диктатурой фашистской. Как видно из нашего разбора, различие между ними глубокое и существенное, несмотря на сходство внешнее. Следовательно, в утверждении, что "большевизм - это красный фашизм", или "фашизм - это перекрашенный двойник большевизма", несравненно больше недомыслия, чем истины. Короче говоря, это утверждение политически безграмотно, и так говорить и думать могут только политические недоросли. Мало того, это очень опасно, как для иностранных противников большевизма (если они этому поверят), так и для самих незадачливых авторов этой теории.

Для всякого внешнего врага большевизма, принявшего на веру параллель между фашизмом и большевизмом, напрашивается следующий вывод: так как в борьбе с фашизмом не приходилось рассчитывать на поддержку подфашистского населения, которое поддерживало свою фашистскую диктатуру, так как отход собственного населения от фашизма начался еще после массовых воздушных налетов и разгрома фашистских тылов, фашистских армий, то, естественно, с этих же мер надо начинать борьбу и против "красного фашизма".

В борьбе с фашизмом удар был направлен как против режима, так и против его населения. Этого шага как раз и добивается большевистская пропаганда. Она больше всего и стремится доказать всему миру, что между большевистским правительством и населением существует гораздо большее единство, чем это было между фашистским режимом и его населением. Следовательно, кто кричат о "красном фашизме" фактически подпевают большевистской пропаганде. Можно не сомневаться, что, в глубине души, большевики воспринимали такую анти-большевистскую пропаганду, как комплимент. Если внешний враг будет бороться против России, то большевизм старыми же приемами, которые он применял против фашизма, подымет навод против своих врагов. Это особенно будет реально, если враги большевизма станут проводить на оккупированных территориях по старому антифашистскому рецепту "декоммунизацию", "борьбу против русского империализма" и разрушать "не нужную русскому народу военную промышленность". Не трудно себе представить, как население встретит таких "освободителей от красного фашизма" и сколько полетит "освободительских" голов.

Народ не забудет поблагодарить по своему и тех политических митрофанушек из русского зарубежья, которые, претендуя на политическое руководство "в современной напряженный и ответственный момент" легкомысленно проповедают упрощенную параллель между большевизмом и фашизмом.

Сергей Зарудный.

ВНИМАНИЕ!

В целях правдивого освещения истории борьбы с большевистской диктатурой в России, редакция журнала "Борьба" обращается ко всем участникам Белого Движения, антисоветских подпольных организаций, к бывшим политическим заключенным в СССР, к участникам Власовского Движения и ко всем читателям журнала с просьбой, предоставить во временное пользование редакции имеющиеся документы, воспоминания, старые газеты и журналы, а также брошюры, выпущенные Р.О.Д. Материалы просим передавать через лиц, раздающих наш журнал.

РЕДАКЦИЯ.

ЧТО НАДО ЗНАТИ О ВЛАСОВСКОМ ДВИЖЕНИИ.

От редакции: Помещая в нашем журнале личную и клеветническую статью г. Аронсона, мы желаем ознакомить наших читателей с некоторыми приемами отдельных представителей социалистов и знакомить с их взглядами на новую эмиграцию, вообще, и на Власовское Движение, в частности. Мы не боимся клеветы, направленной против нас: она лишняя раз констатирует политическое банкротство противников Власовского Движения. Власовская пресса никогда не уклонялась от прямых ответов, на сколько бы щепетильны не были бы вопросы, навязываемые противником; это - демократия по власовски. Мы надеемся, что демократический орган "Социалистический Вестник" в свою очередь поместит нашу ответную статью: "О чем забыл господин Аронсон".

По возвращении из поездки по Европе, Б.И. Николаевский сначала в докладах, а затем в статьях в "С.В." (январь и февраль с.г.) поделился результатами своих "ума холодных наблюдений" над политическими настроениями новой эмиграции и пришел к некоторым выводам относительно строения новой эмиграции и пришел к некоторым выводам относительно строения новой эмиграции и пришел к некоторым выводам относительно строения новой эмиграции и пришел к некоторым выводам относительно строения новой эмиграции. Но тактическая концепция у Б.И. Николаевского имеет одну особенность: на ней почти не отразилось влияние "сердца горестных замет", обычно сопровождающих "холодные" наблюдения ума. Между тем слишком много тяжелого, тревожного, горячего таим в себе проблема новой эмиграции, прошедшей через муки поражения, оказавшейся в арбите гитлеризма, чтобы можно было позволить себе роскошь чисто рационалистического подхода к ней. Нет, "сердце", а не только "ум" должно быть привлечено к рассмотрению проблемы.

Наш автор прав, когда считает познание "общественно-политического лица" новой эмиграции задачей первостепенной важности. Признавая необходимым стать лицом к новой эмиграции, помочь ей преодолеть все трудности, стоящие на ее новом тернистом пути и содействовать ее политической эволюции в духе демократии, я склонен подхватить брошенное Б.И. Николаевским замечание: "В современной обстановке самая крайняя подозрительность необходима". Эта "подозрительность", хотя бы умеренная, а не крайняя, не только понятна в поведении новых эмигрантов, с недоверием вззирающих на новый и чуждый открывшийся им мир, но она должна явиться одним из критериев и нашего отношения ко многому, что исходит из новой эмиграции. Особенно, поскольку речь идет о власовском движении, сформировавшемся и действовавшем, ведь, под фегулой Гитлера, - при том движении практическом, военном, "подозрительность" и, во всяком случае, осторожность будет поистине спасительна. В неосторожности подчас повинен и сам Б.И. Николаевский в своих статьях, когда он решается взять на себя ответственность не за "амнистию" власовцев, - это бы еще куда ни шло, а когда он берет за их общественно-политическую реабилитацию. Семь раз надо было отмерить, прежде, чем один раз отрезать, а не сразу, без дуны, принять на веру словесные присяги по адресу демократии, клятвы в верности свободе, принятие февральской революции, готовность в объединению с демократическими элементами старой эмиграции.

К числу неосторожных замечаний, допущенных в первой статье Б.И. Николаевского, относится, между прочим, его указание на особые заслуги в защите правовых интересов новой эмиграции митрополита Анастасия. Зачем нужно было на страницах "Социалистического Вестника" это замечание, представляющее собой не что иное, как...

свавшем за Гитлера, как "вождя в мировой борьбе за мир и правду" — ему непостижимо. В том же номере "С.В." Б.И.Н-ский в статье о преследуемом Маркове 2-ом попутно, без всякой в том надобности, определяет власовское движение, "как движение, развертывавшееся под демократическими лозунгами и упорно отказывавшееся поднять боевое антисемитское знамя"; — определяет и ставит точку, вызывая всеобщее недоумение. Но это определение власовства совсем не оказалось случайным. Именно оно явилось лейтмотивом второй и решающей статьи Б.И.Николаевского в "С.В.". А в этом вопросе и приходится сосредоточить внимание.

Наш автор настойчиво повторяет мысль, что именно и только власовское движение, — в отличие от других, сепаратистских антисоветских движений, возникших под Гитлером среди военнопленных и "рабов" и воевавших против красной армии — имело политическую, "демократическую" программу. Б.И.Николаевский не отрицает, что эта программа появилась в результате "политической эволюции" власовцев. Но исследование этой эволюции и проверка степени органичности превращения власовцев в демократов не входили в его задачу, — хотя он сам же констатирует, что власовцы, ведя себя "Комитетом освобождения народов России" — "меньше всего склонны утаивать свою преемственную связанность" с власовским движением эпохи войны, т.е. с Р.О.А. (Русская Освободительная Армия) и русским национальным комитетом, — "хотя в настоящее время подчеркивание связано с значительным риском". Еще можно понять бегство самих власовцев от бегства этого "риска", но вполне уместно спросить, почему Б.И.Николаевский "не рискнул" заглянуть в недалекое прошлое власовцев.

Характеристика политической эволюции власовцев, данная Б.И.Николаевским, сводится к двум положениям: в первый период (конец 1942 г.) власовцы "отражали настроение правой оппозиции", т.е. были близки к оппозиции Бухарина-Рыкова-Томского в их борьбе со Сталиным, а затем, во второй период (тут приводится дата ноября 1944 года) власовцы, отчасти под влиянием примкнувших к ним представителей квалифицированной советской интеллигенции, самоопределились в качестве демократов. Программный манифест от 14-го ноября 1944 года, официальный орган власовцев "Воля Народа", "Блокнот пропагандиста", орган союза молодежи "Борьба", — наконец, "Клятвенная" молодежи в ее формуле "присяги", — все документы, относящиеся к декабрю 1944 года и позже, — должны служить по мнению Б.И.Николаевского, доказательством, что политическая эволюция завершилась, что вчерашние власовцы стали демократами, добиваются для России "свободного демократического порядка", требуют "возвращения народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 г.", стремятся воспитать свою молодежь "в духе традиций русских революционеров, — борцов за свободу и правду". Наш автор также устанавливает на основании тех же документов, что даже намек на антисемитские лозунги у этих демократов нет (хотя он и признает, что среди лиц, подписавших упомянутый манифест, имеются и матерые антисемиты).

Б.И.Николаевский совершил большое упущение, когда не напомнил читателю, что это было за особенное время, к которому он относит эволюцию власовцев. Ведь это было время, когда Красная армия уже вступила на Дунай и Балканы, а Америка и Англия уже разрушили Атлантическую стену, воздвигнутую третьим Райхом, Франция уже была освобождена и Италия была в руках союзников. Воробьи на крышах уже чирикали в близком крушении Германии и неизбежной победе союзников. Что же другое, какая другая программа (даже для ошеломленных и отчаявшихся партнеров Гитлера) вообще была мыслима в ноябре 1944 года, как не программа демократии?

Я отнюдь не утверждаю, что Иваны Ивановичи из рядов власовцев быстро перекрашивались, что с их стороны это был камуфляж. Напротив, я убежден, что среди русских военнопленных и "рабов", особенно среди интеллигенции по большей части народного, плебейского корня и к тому же идейно анти-сталински настроенной, — встреча с Европой (с Западом) вызвала тяготения к демократическим идеям и установлениям.

И среди возвращенцев (часто поневоле) и среди невозвращенцев "западничества" должно было широко проработать себе дорогу. Именно потому, что я согласен с тактическим устремлением Б.И.Николаевского всемерно облегчить процесс демократической эволюции наиболее ценных элементов новой эмиграции, я настаиваю, что большой политической ошибкой является изображение власовства от ноября 1944 года без попытки дать объективную историю власовского движения, включая в нее все, что было характерно для него в 1943-1944 годах. Б.И.Николаевский отчасти объясняет игнорирование им этого этапа власовщины тем, что все и всячески слухи, порочащие власовцев, с большим трудом поддаются проверке. Но разве можно было себе позволить роскошь просто уйти от этой трудности?

Б.И.Николаевский тщательно изучает документы от ноября 1944 года и позже, перелистывает "Волю Народа" и другие издания за это время. Но странным образом наш исследователь совершенно игнорирует такой орган РОА, как "Доброволец", который в апреле 1944 года уже выпустил свой сотый номер, или другой орган власовцев "Боец РОА", который тогда же отметил свою первую годовщину. Ведь в этих изданиях должно быть не мало данных к характеристике идеологии и деятельности власовцев. Известно, что в целом ряде мест, оккупированных немцами, куда выезжали Власов и его официальные представители и где они выступали с речами (Смоленск, Рига, Псков, Киев, Крым и пр.), выходили прогитлеровские газеты на русском языке. Наконец, в Берлине был пронацистский листок "Новое Слово", а в Париже "Парижский Вестник". Не следовало ли поискать в этих изданиях данных для пополнения наших знаний о власовском движении?

Пишущий эти строки подготовил для "Нового Журнала" работу о "Парижском Вестнике" и в связи с этим, не претендуя на изучение власовского движения, собрал некоторый материал о нем. Позволю себе противопоставить этой материал той картине благорастворения воздухов, которую изобразил Б.И.Николаевский.

Первые вести о ген.Власове и об образовании Русского Национального Комитета появились в "Парижском Вестнике" в марте 1943 года, и с тех пор почти не было номера без информации о власовцах или статьи власовцев. Вот какие сведения можно получить из этого источника о программных и политических воззрениях власовцев.

В Берлине 27 мая 1943 года генерал Власов сделал следующее заявление: "Будущая Россия будет иметь авторитарное правительство. Парламентаризм и всякого рода демократизм, подобный тем, которые существуют в Советском Союзе, суть обман для народа, и мы не хотим его возобновлять". "Перушимая и длительная дружба между народом русским и германским, — формулировал ген.Власов свою внешне-политическую программу — наш враг № 1 — Англия, экономические и политические интересы которой находятся с интересами русского народа" ("П.В.", 29 мая 1943 г.). Тот же ген.Власов заявил в своей речи в Риге: "В Новой России все ее народы смогут жить согласно своим чаяниям, но евреям там не будет места... Освобождение России от Сталина и большевизма влечет за собой очищение ее и от евреев" (5 июня).

В центре всех выступлений ген.Власова стоит прославление великого вождя, об"яснения в дружбе с великим германским народом, громы и молнии по адресу англо-американских капиталистов и плутократов и "обличения" иудо-большевизма". В первом своем выступлении ген.Власов выступает даже в терминах, принятых в Третьем Райхе: "Задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом. Я зову народ к борьбе за завершение национальной революции на путь сотрудничества и вечной дружбы со всем германским народом" (20 марта 1943 г.). Ту же мысль ген.Власов варьирует и в другом выступлении: "Нет никаких оснований, чтобы русский народ истекал кровью ради выгод англо-американских капиталистов. Англия враг № 1" (3 апреля). Заместитель Власова, ген.лейт. Малышкин, с неменьшей твердостью делает такого же рода заявления: "В новой России исключение составит только один еврейский народ, который не имеет никакого права на свободу" (26 июня). В речи Малышки-

двана, произнесенной в Париже, тот же рефрен, звучащий перепевом из мундштук Кампа: "Построение новой России без большевиков, жидов и капиталистов". Такова задача власовского движения, формулированная его руководителями в это время.

За участие в войне на стороне Гитлера приходилось платить полтора миллиона рублей. Директивы нацизма надо было проводить не за страх, а за совесть. Вслед за главными руководителями власовцев эти директивы, естественно, проводили и представители Власова на местах. Выступавшие в Брюсселе и Париже полномочные представители Власова так и поступали: кап. Белов говорил о "жидовских комиссарах", Давиденков превозносил, что "Россия не будет принадлежать советским жидам", а сопредседатель их "профессор" Гротов из чайной печальной памяти Союза русских народа произнес оглушительную погромную речь (10 июля). Рядом с ним офицер РОА, давший интервью "П.В.", распинался за нацизм, провозглашая февральской революции и против "власти жидовского кагала" (11 декабря). Пять офицеров РОА (за подписями) опубликовали письмо, в котором так формулируют программу РОА: "Борьба с англо-американской плутократией, уничтожить англо-американский империализм, сокрушить устойчивую псевдо-большевизма - наша задача. Мы эту задачу в союзе и только в союзе с германским народом выполним. Естественно, что основным их тезисом является мысль о полном тождестве евреев с большевиками и призыв к борьбе с "жидовствующей кликой".

Все это иллюстрации к характеристике власовцев, как политическо-идеологического направления, одушевленного будто-бы идеей демократии, имеющего свои независимые от Германии цели в войне и чуждавшегося анти-семитских предрассудков. С власовской реальностью 1943-1944 годов характеристика выдана ничего общего не имеет.

Особняком стоит вопрос, в какой мере в годы 1943-1944 власовское движение было использовано немцами для истребления евреев и подавления движения сопротивления в Европе (помимо участия в войне против советской армии). Б.И. Николаевский склонен думать, что в этой области у нас имеем либо "добросовестные ошибки", либо "сознательную клевету" на большевиков. Не углубляя этого вопроса, я могу только сослаться на сообщения "Парижского Вестника", что "Большинство воинов РОА с оружием в руках борется не на просторах своей земли", т.е. не в России, а в Европе (29 января 1944 г.), и что "русские добровольцы ген. Власова приняли активное участие в операциях по очистке тыла действующей армии от красных партизан" (29 мая 1943 г.). Не берусь сделать заключение из этой информации, так же, как из сообщения, что "на Запад Европы переброшены русские добровольческие части". Но читаю я и об этом с тревогой и боюсь, что эти "операции" власовцев могут означать и содействие немцам в деле истребления евреев, разгрома макизу во Франции и четников в Югославии.

Вывод, который сам собою напрашивается, сводится к следующему. Для того, чтобы содействовать эволюции новой эмиграции в направлении демократии и демократического социализма, нужно не прикрашивать власовское движение, а рассказать о нем всю правду, и только правду. Только такой критический, свободный, без оглядки, без боязни подход к этому болезненному явлению будет способствовать отбору здоровых элементов новой эмиграции, ее дифференциации, выделению из нее новых и ценных участников борьбы за освобождение России от коммюнистической диктатуры. Формула умолчания нас может только компрометировать даже в глазах честных эмигрантов. Предоставим "большевикам справа", младоросам, национальщикам, реставраторам и черносотенцам, уловление душ всякими средствами. Русские демократы и социалисты могут черпать свои резервы в новой эмиграции только говоря обо всех болячках, обо всех проблемах - в том числе и о власовской, - со всей доступной нам открытостью и отчетливостью.

====0000====

О ЧЕМ ЗАБЫЛ ГОСПОДИН АРОНСОН.

Небезизвестный г-н Аронсон поместил недавно в "Социалистическом Вестнике" № 3 (606) статью с многообещающим названием: "Что надо знать о власовском движении".

Статья эта, претендующая своим заглавием на освещение правды о Русском Освободительном Движении, по существу явилась лишь выражением взгляда г-на Аронсона на новую эмиграцию вообще и, Движение, в частности, с точки зрения социал-демократа, беспокоящегося об охвате своими идеями новой эмиграции и о пополнении своих резервов за ее счет.

Основным препятствием в своей политической работе среди "новых" г-н Аронсон считает Власовское Движение. Об этом он говорит открыто, хотя иногда не весьма удачно, и пытается маскировать свою основную мысль витиеватыми фразами о своем стремлении содействовать новой эмиграции "ее политической эволюции в духе новой демократии" и о желании помочь ей "преодолеть все трудности, стоящие на ее новом тернистом пути.

"Для того, чтобы содействовать эволюции новой эмиграции в направлении демократии и демократического социализма, - пишет г-н Аронсон, - нужно не прикрашивать власовское движение, а рассказать о нем всю правду, и только правду. Только такой критически свободный, без оглядки, без боязни подход к этому болезненному явлению будет способствовать отбору здоровых элементов новой эмиграции, ее дифференциации, выделению из нее новых и ценных участников борьбы за освобождение России..."

Для людей немного знакомых с развитием социал-демократии в России, после этой фразы уже ни капельки не становится мудреным то, что г-н Аронсон в своей статье характеризует Власовское движение, как движение чисто "практическое, военное", как движение пораженческое, как "власовщину".

Ведь для того, чтобы демократический социализм мог охватить своими идеями новую эмиграцию, подавляющее большинство которой или власовцы, или идейно с ними связаны, необходимо Власовское Движение "разгромить идейно", доказать его политическую бесприципность, вскрыть политическое банкротство его возглавителей и поставить, таким образом, власовцев перед совершившимся фактом, что они были связаны, хотя это и было с их стороны проявлением большой жертвенности и патриотизма, всего-навсего, с дешевой авантюрой - с власовской "болячкой".

На заре своей юности, с этих шагов начинала социал-демократия, когда в России основным политическим явлением было "народничество"; теперь на тот же мотив г. Аронсон, повидимому, решил спеть и свою "лебединную песню".

Но задача оказалась не по плечу и г-н Аронсон, "не претендуя на изучение власовского движения", решил просто объявить его "болячкой", а для успокоения своей совести, пристегнул к своей статье несколько цитат из "Парижского Вестника", заранее утвердив их "как правду и только правду"... так сказать, афишировал: "се лев, а не собака".

В статье г-на Аронсона, носящей характер с Б.И. Николаевским, с большим трудом можно установить ее основные тезисы и привести их в кое-какую схему:

1. Б.И. Николаевский поступил слишком опрометчиво, охарактеризовав Власовское Движение, как движение демократическое;
2. Период 1943-1944 годов характеризует Движение, как анти-демократическое;
3. Пресса последних дней Движения носила демократический характер, но это было политическим камуфляжем;
4. Среди рядовых участников Движения были и демократы, но в этом отношении они отличались от демократов из рядов РОА.

Три последних пункта утверждают основательность первого и поэтому на них то и следует остановиться подробнее, чтобы вскрыть всю нелепость умозаключений г-на Аронсона.

В конце 1944 года, выступая на митинге в Братиславе, ген. Желенков попросил аудиторию задавать вопросы в письменной форме. После окончания доклада генерал развернул одну из записок и громко прочел ее содержание: "Немцы открыли Русское Освободительное Движение, а что вы будете делать, если они его закроют?" Аудитория затаила дыхание. Генерал усмехнулся и, подняв голову, уверенно бросил:

— Колумб открыл Америку. Попробуйте ее закрыть!
Немцы пытались "закрыть" Русское Освободительное Движение. Об этом говорит обращение Гимmlера к СС-овцам, об этом говорят директивы Гитлера СС-райсфюреру, требующие торможения Движения и срыва торжеств провозглашения Манифеста.

Теперь это Движение пытается "закрыть" г-н Аронсон. Мы не знаем, сказал ли он себе при этом, как это сделал Шедринский герой: "То мое от меня не зависит", но, разобрав статью г-на Аронсона, мы можем пока с уверенностью заявить: "Сие от него не зависит".

Какому здравомыслящему человеку может прийти в голову мысль основывать свои заключения на прогитлеровских газетах, когда каждому дураку понятно, что эти газеты, издававшиеся на деньги СД и Гестапо, волей-неволей, отражали в себе дух тайных канцелярий и диких директив Гитлера и Гимmlера.

Известно ли г-ну Аронсону, какое отношение имел редактор "Нового Слова" г-н Деспотули (он же — по меткому прозвищу — "Гестапули") к Власовскому Движению и известно ли ему, с какой брезгливостью относились генералы Власов и Малышкин к этому беспринципному человеку и к его, такой же беспринципной, газете?

Знает ли г-н Аронсон, что газета "Боец РОА" была органом немецкого отдела пропаганды для "Остбатальонов" при штабе 7-й немецкой армии и никогда Власовым не контролировалась?

Знает ли, наконец, он, что даже газета "Доброволец", издававшаяся в Дабендорфе, была под контролем прибалтийского немца, зондерфюрера Бормана, и что в редакции ее до последнего времени шла жесткая борьба "капитанов Галицких" за то, чтобы вырвать этот орган из рук тайных и официальных работников СД?

Если все это г-ну Аронсону не известно, то как же можно свою неосведомленность выдавать за "правду"?

Если все это для г-на Аронсона не секрет, то как же можно ссылаться на прогитлеровские газеты, заведомо зная, что они придавали всем фактам, не присущую им коричневую окраску?!

Господину Аронсону, повидимому, важен источник, и он готов на сей раз превзбречь своей "понозрительностью" и принять за чистую монету все заявления весьма недоброкачественных газет.

Жаль, очень жаль, что г-н Аронсон в целях расширения осведомленности о Власовском Движении не использовал еще один "авторитетный" источник, появившийся совсем недавно в том же Париже, под заголовком: "Я предпочел виселицу", или не привел цитаты из "Правды" от 2.8.46 г. Сенсация была бы потрясающая!

В центре всех выступлений генерала Власова стоит прославление великого вождя, обяснения в дружбе с великим германским народом, громы и молнии по адресу англо-американских капиталистов и плутократов и обличения "иудо-большевизма", — безапелляционно заявляет г-н Аронсон, ссылаясь на "П.В."

Где же логика г-на Аронсона? Неужели миллионы русских людей, преимущественно военнопленные и оловцы, познавшие на своей шкуре "величие" Гитлера, откликнувшись на призывы Власова, пошли за ним только потому, что он был нацистом и погромщиком?!

Нет, очевидно было что-то другое в выступлениях ген. Власова в Бресте, перед Вилейкой и других городах, о чем г-н Аронсон умышленно

я встал на путь борьбы с большевизмом", написанного в феврале 1943 года, и немудрено: в нем он не нашел ни одного слова, подтверждающего нужные ему "истины".

С нескрываемой тенденциозностью пытается г-н Аронсон пристегнуть Власовскому Движению гитлеризм и антисемитизм, сваливая на Власова всю ответственность за выступления людей, никогда на это им не уполномоченных, и всю муть газет, находившихся под крылышками зондерфюреров разных рангов и оттенков.

Генерал Власов никогда не прославлял Гитлера, никогда не работал перед нацистскими вождями. В период формирования РОА он отказался от встречи с Розенбергом, дипломатически сославшись на загруженность времени. Говоря о союзе с Германией, Власов всегда подчеркивал в своих выступлениях, что это союз тактический — "брак по расчету". Говоря о дружбе с немецким народом, Власов понимал, что немецкий народ временно введен в заблуждение геббельсами и розенбергами, он сознавал, что с падением нацизма, немецкий народ будет жить. Власов был далек от расовых предрассудков. Беспокоясь о благе своей Родины, он определил внешнюю политику будущей России, как братское единение со всеми народами Европы и, в первую очередь, с немецким, как с ближайшим сильным соседом. И в этом случае Власов был демократом в большей степени, чем те, кто обвиняет его за союз с немецким народом. Власов беспокоился о мире, а мир может быть достигнут только взаимопониманием и взаимодоверием народов, а не правительств. Власов никогда не считал Англию "врагом №1". Врагом №1 для Власовского Движения был и есть большевизм, и перенумерацию врагов российского народа, в будущем, сделает история, а не какие-нибудь "Парижские Вестники", независимо от того, где и когда они будут издаваться.

Да, Власов не совсем лестно отзывался об "англо-американских капиталистах". Скажем прямо: ругал их, и крепко. Но не его вина, что в то время англо-американская демократия переживала медовый месяц страстной любви с большевизмом, и, кроме того, весьма сомнительным признаком демократичности может служить верноподданническое славолюбие по адресу демократий. Это скорее характеризует зависимость прославителей от тех, по чьему адресу они рассыпаются в любезностях; истинным демократом может быть только человек свободный.

С легкой руки "Парижского Вестника" пришивает г-н Аронсон генералу Малышкину нелепую и безграмотную бразу: "Построение новой России без большевиков, жидов и капиталистов". Неужели г-н Аронсон считает возможным, что русский генерал, окончивший Академию, мог свалить в одну кучу и явления социального порядка и национального?

В конце 1944 года, выступая перед учеными Европы, генерал Малышкин дал глубокий, блестящий анализ большевизма, совершенно противоречащий Геббельскому бреду об иудо-большевизме. Тогда же представитель финской делегации задал вопрос: "Почему генерал Малышкин и не говорил о будущих ограничениях евреев?" В.Ф. Малышкин ответил, что не вправе говорить об ограничениях какой бы то ни было национальности в России. Решение этого вопроса принадлежит народу.

Это имеет это общего с приписываемой "Парижским Вестником" генералу Малышкину бразой: "В новой России исключение составит только один еврейский народ, который не имеет никакого права на свободу".

Не логичней ли после этого сделать вывод, что нацизм, через французскую газетку, пытался "сжигать мосты" на пути будущего союза Власовского Движения с демократиями?

Мы не намерены вступать в полемику с "Парижским Вестником" о том, имели ли место в Париже пронацистские выступления капитана Белова, подпоручика Давиденко и "профессора" Гротова, или нет. Может быть безвестные рядовые офицеры действительно отождествляли большевиков с евреями. Мы не хотим останавливаться на том, что все они никогда не были полномочными представителями Власова и что Давиденко, по возвращении из Парижа, был отчислен из рядов РОА.

и Аронсон все время ведет речь о демократичности. Хорошо, рассмотрим эти факты с точки зрения демократии. Пусть все вышеперечисленные господа состояли с Власовым и Малышкиным в одной организации, а же из этого? Г-н Аронсон и г-н Николаевский тоже состоят в одной организации и в одном и том же журнале выступают с прямо противоположными мнениями. Это - демократично! Для власовцев же, по мнению г-на Аронсона, было бы демократичным, если бы они, подобно районным зеткам, слово в слово повторяющим переводку "Правды" повторяли бы слова своих руководителей. Очевидно, у г-на Аронсона есть две демократии: одна - для себя и себе подобных, другая - для Иванов Ивановичей "плебейского корня".

В погоне за доказательствами антидемократичности Движения, г-н Аронсон иногда теряет голову и хватается за первую попавшуюся под руку, образу, не вникая в ее смысл, и тем самым ставит себя в довольно неловкое положение.

"В Берлине 27 мая 1943 года генерал Власов сделал следующее заявление: - пишет г-н Аронсон, ссылаясь на прежний же "П.В.", - будущая Россия будет иметь авторитарное правительство. Парламентизм всякого рода демократизм подобные тем, которые существуют в Советском Союзе, суть обман для народа, и мы не хотим его возобновлять". Действительно, это Власов говорил, если считать слово "авторитарное" досадной опечаткой. Не "а в т о р и т а р н о е", а "а в т о р и т е т н о е". Разница, правда, в двух буквах, но между смыслами этих слов - "дистанция огромного размера". Термин "авторитарное государство" широко был принят не только в выступлениях, но и в ряде идеологических работ Дабендорфа.

Мы не допускаем мысли, что г-н Аронсон мог себе позволить перестановку букв. Очевидно, это сделала редакция "Парижского Вестника" и это лишнее доказательство тому, как неосмотрительно обращаться за правками к прогитлеровским источникам.

Ну, а что касается неразделенности г-ном Аронсоном нашего взгляда, что сталинский демократизм есть обман, то нам остается только пожалеть плечами. Мы и сейчас "не хотим его возобновлять", не взирая на то, как бы нас не обвиняли за это в антидемократичности. Пусть уж некоторые господа эсдеки, в целях сохранения чистоты своих риз, попытаются это сделать, а мы посмотрим, что после этого станет с их ризами...

В неловкое положение перед покойными Рыковым, Томским и Бухариным ставит себя г-н Аронсон своим соглашением с Б.И. Николаевским, что Власовское Движение в первый свой период отражало взгляды "правой оппозиции". После того, как он описал всех власовцев нацистами и огромщиками, у неискушенного читателя может зародиться нескромная мысль, что основоположниками воинствующего антисемитизма были уничтоженные Сталиным оппозиционеры.

Для окончательного "разгрома" Власовского Движения г-ну Аронсону не хватило "тяжелой артиллерии". Ведь слова - вещи неубедительные. Малектика учит, что о явлениях судить надо по их действиям. И тут г-н Аронсон потерпел полное фиаско. Как ни копался он с лупой в документах в старых подшивках, но ничего подходящего для уличения власовцев в погромных делах, кроме коротких информации о переводе их с во-точного фронта и об операциях в тылу немецкой армии, не нашел.

Но г-н Аронсон не из таких, которые быстро сдаются. "Читаю я об этом с тревогой, - многозначительно поднимает палец г-н Аронсон, - боюсь, что эти "операции" власовцев могут означать и содействие немцам в деле истребления евреев, разгрома маки во Франции и четников в Югославии."

Логика г-на Аронсона в этом случае совсем мало отличается от логики черносотенцев и действительных погромщиков. Те тоже так расуждали: "Несчастный случай произошел в местечке. Жиды живут тоже в местечке. Значит... причины несчастного случая - жиды. Бей жидов - спасай Россию!".

Словом, перед нами примитивной логикой, а

дикими поступками. Такая логика совсем не к лицу серьезным политикам, каковым считается г-н Аронсон.

Власовские части никогда не истребляли евреев. Власовские части никогда не были в Югославии, и четники были разгромлены советской армией и отрядами Тито, применившими против них удушливые газы. Власовцам незачем было громить маки, ибо маки после печально окончившихся террористических актов против русских добровольцев, решили, что с последними выгоднее поддерживать добрососедские отношения и вообще не попадаться им на глаза с оружием в руках. Правда, власовцы в мае 1945 года разгромили СС-овцев в Праге и спасли тем самым восставшее население от расправы, но освещение этой операции, по видимому, не входило в план г-на Аронсона.

Нет, г-н Аронсон своей статьей не только не доказал, что характеристика Власовского Движения, как демократического "ничего общего не имеет" "с власовской реальностью 1943-44 годов", но и раскрыл свою нечистоплотность в подходе к этому сложному историческому явлению.

Г-н Аронсон не мог не согласиться с г-ном Николаевским о наличии эволюции Власовского Движения. Факты - упрямая вещь. Но, извратив суть Движения, извратив характер Движения 1943-44 годов, он делает, хотя и логический, но политически безграмотный вывод:

"Это было время, когда Красная армия уже входила на Дунай и Балканы... Воробьи на крышах уже чирикали о близком крушении Германии и неизбежной победе союзников. Что же другое, - какая другая программа (даже для ошеломленных и отчаявшихся партнеров Гитлера), вообще была мыслима в ноябре 1944 года, как не программа демократии".

Обвинив Движение в политической беспринципности, но спохватившись, ибо огульное оплевывание Движения может сорвать задачу привлечения активных сил Движения в свои кадры, г-н Аронсон прибегает к довольно неискusstному маневру:

"Я отнюдь не утверждаю, - пишет он, - что Иванов Ивановичи из ряд власовцев просто перекрашивались, что с их стороны это был камуфляж. Напротив, я убежден, что среди русских военнопленных и "рабов", особенно среди интеллигенции по большей части народного, плебейского корня и к тому же идейно анти-сталински настроенной, - встреча с Европой (с Западом) вызвала тяготения к демократическим идеям и установлениям".

Одна терминология чего стоит! "Иванов Ивановичи"... так и сквозит покровительственно-барское "Иван" в этой запутанной фразе демократического баяна г-на Аронсона. Ну, да на каждую старуху, говорят, своя проруха. Не в этом соль - в самой сути дела г-н Аронсон запутался. Встреча с какой же это Европой вызвала в нас тяготение к демократическим идеям? Уж не встреча ли с Гитлеровской Германией? Или, может быть, МП привела нас вкус к демократии? Может быть палки козбоек в Кемптене, слезоточивые газы в Дахау и танки на Драве утвердили в нас сознание полезности западно-демократических установлений?

Абсурдность этого заключения очевидна и не нуждается в доказательствах.

Тягу к свободе демократии больше всего пробудил в нас тоталитарный режим Сталина, утвердили ее эксперименты Гитлера, пытались подорвать доверие к демократии некоторые ее носители, но... безуспешно.

Г-ну Аронсону совсем не желательно приводить факты, утверждающие, что программа Движения явилась результатом длительной борьбы за демократичность идеологии, прошедшей тяжелый путь от наспех набросанных Смоленских пунктов, через идеологию конца 1943 года, разрешенную немцами только для "внутреннего употребления", к провозглашению Пражского Манифеста 14-го ноября 1944 года.

Г-ну Аронсону совсем нежелательно признать, что в этой идеологической борьбе приняли участие не кучка философствующих политиканов, а русский народ в лице остовцев и военнопленных и, таким образом, Власовская программа была не тактическим камуфляжем, а выражением воли народа.

Г-н Аронсон знал, что в его статье поставлено на голову все и вся, и история, и обычная человеческая логика. Знал он, что все это ускользнет от внимательного глаза тех, кто ревностно следит за всем, что касается власовского движения; знал, что ему придется держать отпор перед теми, кто прошли сквозь голод, кровь и пожары, кто, несмотря на гонения и угрозу насильственной выдачи, с гордостью продолжал считать себя власовцем, знал... и заготовил на всякий случай маленькую лазейку: не судите меня, мол, жестоко за мою рассеянность; я, ведь, претендую на изучение власовского движения, только "собрал некоторые материалы о нем"...

Гнилой материал - поставляет г-н Аронсон своим читателям, и невинно вешать его, увы, штопана белыми нитками!

Есть такая русская поговорка: "В кривом глазу все криво". В применении к г-ну Аронсону и его практике она означает: "Под кривой лупой вверх ногами".

Пожелай бы г-н Аронсон показать Власовское Движение через нормальную лупу - все бы приняло совершенно иное очертание.

Тогда господин Аронсон, наверное, не забыл бы школу пропаганды Дабендорф, в которой, с ее безграничной свободой слова, бесконечными дебатами, жесткой борьбой за честь русского имени, за идейную принципиальность - как в зеркале отразилась вся история Освободительного Движения. Туда, к Дабендорфу, который был единственной точкой на этом шарике, где развивался Андреевский флаг - символ возражающейся России, - тянулись все: и оловцы, и беженцы с Востока, и вырвавшиеся из немецких частей русские добровольцы, и представители народов России, согласные с политикой Розенберга.

В этом же Дабендорфе среди чинов РОА находилось несколько евреев, причем прекрасно было осведомлено командование школы. Одно из евреев стало заподозрено. Следствие было поручено курсовому офицеру, и он выяснил это дело. К сожалению, беспокоясь о судьбе своих товарищей, мы не можем сообщить имена этих евреев, ибо принадлежность к РОА может обойтись им дорого. Отношение же Движения к еврейскому вопросу лучше всего характеризуется отношением этих евреев к участникам Движения: после капитуляции они спасли жизнь многим офицерам РОА.

Не претендующий на изучение Власовского Движения г-н Аронсон не верит на слово в достоверность этих фактов; он готов принять на веру только то, что выставляет Власовское Движение в нужном ему свете, забывая при этом и свою осторожность, и подозрительность.

Плохой демократии пытается научить нас г-н Аронсон. Нас незачем учить демократии, основанной на лжи и клевете; мы ее достаточно видели.

Не по кабинетным схемам и утопическим теориям учились мы демократии. В нужде и страданиях, среди пыток и мук мы сердцем нашли нашу правду, основанную на истинах Добра, Свободы и Справедливости.

Эту-то демократию и несет на своих знаменах Русское Освободительное Движение. Эту-то демократию и хранит в своем сердце каждый влассовец, пронес ее через годы несправедливости, через проволоку лагерей, через сети преследований, через ужас насильственных выдач.

Власовское Движение было демократичным совсем не потому, что оно отбрасывало антисемитские лозунги; не потому, что его руки не обогреты кровью разгромленных четников; не потому, что Гитлер давал тайные директивы Гиммлеру тормозить Движение; не потому, что среди курсантов Дабендорфа находилось несколько евреев; не потому, что 300 солдат и офицеров РОА пали на улицах Праги - оно было демократично потому, что было народным по существу, потому, что в его программе было отражено понимание человеческих и общественных взаимоотношений народами России, их вековые чаяния, их воля.

Вот почему Власовская идея, выразителем которой было Русское Освободительное Движение "и есть тот светоч, который нам светит во мраке, охватившем весь мир" ("Обозрение" №42, Бавария).

Вот почему Движение, пережившее утрату своего руководства, потерю основного кадра, пережившее трудные 1945-1947 годы,

поднимается с новой силой, неся на своих знаменах имя Власова, имя мученика и народного героя.

Вот почему, несмотря ни на что, имя Власова пользуется сочувствием многих русских людей, находящихся за "железным занавесом", как о том осторожно сообщает даже "Социалистический Вестник".

Г-н Аронсон это просмотрел. Сидя в далекой Америке, он решил, что достаточно пары чернильных клякс, чтобы умертвить народное движение, пережившее Голгофу, и заслужено получил за это ответ от власовцев: "Бедный Вы, бедный!"

О чем думал г-н Аронсон, задаваясь целью "содействовать эволюции новой эмиграции в направлении демократии", если он сам еще недостаточно разобрался в том, что такое демократия, где ее искать и по каким признакам она познается.

В смешное положение ставит себя г-н Аронсон. Есть много подходящих сравнений в русской литературе, но не стоит обижать автора статьи "Что надо знать о власовском движении". Подписываясь под статьей, он сам расписался в своей политической ограниченности. Что же с него спрашивать! Давно господин Аронсон оторвался от родной земли, да и не научился понимать русский народ. Много он перетоллок демократическую воду в социалистической ступе, а в результате... смотрел он на русский народ, как на серого "Ивана", а теперь смотрит, как на Иванов Ивановичей "по большей части народного, плебейского корня", забыв о том, что "Иваны Ивановичи" научились думать.

Б.С.

====0000====

НА ПУТЯХ К ВЕРЕ.

1.

Жаркий сентябрь 1942 года. Степь и солнце, жара и пыль. Мы много дней отступаем, верней-не отступаем, а бежим сквозь эту пыль под палящим солнцем. Наша воля сломлена; самое главное, нам не за что драться, мы не хотим драться и все же, почему то, бежим дальше. У нас глаза загноены, а запекшиеся рты. Отдыхать нет времени. Вот уже 4-е сутки, день и ночь, с небольшими передышками, мы все идем, идем и идем. Жара. Только в селах можно выпить воды. Только в селах есть немного тени. Но и в селах нет отдыха. Трудно. Трудно смотреть на женщин, стоящих у плетней, со слезами провожающих нас. Они плачут не о себе, а о нас. Они не знают, что ждет их самих, но знают, что нас ждет горькая доля. И становится стыдно за свое бессилие и беспомощность. Ведь где-то есть выход, есть решение этой трагедии.

У калитки стоит старая женщина. У нее строгое морщинистое лицо, обрамленное черной шалью. Она уже роздала ведро молока и сейчас роздает кружками воду. С бесконечной тоской смотрит она на проходящих мимо обреченных людей, и медленно, одна за другой, скатываются по ее скорбному лицу прозрачные слезинки.

Она напоила и нас, а когда кто-то, чтобы поддержать себя и утешить старуху, начал будто храбриться - чаще потекли слезы по строгому, как древний лик, лицу.

- Сыночки! сыночки мои родненькие! За молодость вашу, за матерей ваших - сохрани и спаси вас, Господи!

Нам нечего было отвечать. И перед всеми нами, мало-верующими и вовсе неверующими, но одинаково загнанными в тупик, во всей своей многозначности встал вопрос: "а кто же может нас спасти в этом вихре ужаса и человеческих страданий?"

П.

Пасха 1944 года. У Берлинского собора собирается...

шенская внешность. Изможденные лица и потухшие, только восторженно пыхивающие, глаза. На каменной площадке длинными рядами разложены корзины, сумки, а больше всего, простые деревенские узелки - все то, что смогли принести сюда на освящение эти бедные, загнанные люди. Пасхи и пасхи здесь - редкость, но зато часто скромные платочки с румя-трямя кусками черного хлеба и с одним яичком.

Два паренька неуверенно топчутся у ряда. В руках у одного из них маленький узелок. Пареньки перешептываются и недоумевающе пожимают плечами. Потом, держащий узелок наклоняется, чтобы положить его на свободное еще в ряду место. Делает он это неуверенно, как бы раздумывая и; вдруг, не положив узелка, отходит в сторону.

Я не могу понять, в чем дело, и когда, после третьей попытки, неуверенное топтанье подводит пареньков вплотную ко мне, я вупор ставлю вопрос:

- В чем дело, ребята?

От неожиданности вопроса они оба смущаются, но почувствовав, что в нем ни подвоха, ни насмешки, начинают сбивчиво объясняться перебивая друг друга. С трудом подыскивают они бессвязные слова, будто бы извиняясь:

- Да, вто... видите-ли, такое дело...

Инициативу берет на себя тот, который побойчее и объясняет все мне же извиняющимся тоном:

- Мы принесли, вот, яички посвятить. Три штуки... Нам-по одному. А, вот, у Петьки мать в Вестфалии работает, так ей одно послать надо. Мы у бауэра работаем, просили его: "Дай три яичка, а нет, так продай!" - Так не дал же. Ну, мы с Петькой и таво... эти яички... украли. А теперь и не знаем... сомневаемся. Вроде - можно, а вроде и нельзя...

Он старательно избегает слова "освятить". С необыкновенной деликатностью стараются они разрешить этот сложный и необычный для них вопрос, вопрос совести. Они вопросительно смотрят на меня, и я вижу, что в моем решении они хотят найти выход.

- Так, что-ж, ребята! Вы просили продать Вам яички по хорошему, а, кроме того, и заработали Вы их, не так-ли? Значит не ваша вина, что у немца души нет.

- Петь, а ведь верно человек говорит! Вот спасибочка! А то мы вот спорили, спорили...

И успокоенные пареньки уверенно подошли к площадке, чтобы положить свои три яичка. А я остался со своими мыслями о неумиравшей истоте человеческой души.

III.

День и ночь, будто бы кто-то стучит по пустой бочке, гудит на соре бу-бу-бу... Всей мощностью тяжелых калибров бьет английский Королевский флот по растерзанной, притихшей земле. В воздухе, с раскатами и до сумерок, пронесется с ревом штурмовики. В их нервности стремительности даже в их облике есть что-то хищное. Методично и непрерывно с чавканьем рвутся мины и лопаются снаряды. Бес ад современного боя обрушился на землю и на людей.

Нас спасает только лес. Мы почти все время сидим в глиняных ямах, кое-как устланных ветками. Изредка, когда сгневые шквалы немного стихают можно вылезти из ямы и немного размяться.

Сторожка лесника перевернута вверх дном. Обитатели покинули ее; сейчас ребята ходят туда за разными полезными вещами - ложками, чашками, кастрюлями. Из сторожки только-что вернулся Сашка и сидит на краю окопа, сосредоточено ковыряя что-то ножом и не менее сосредоточено, сопит. Саша - здоровый, плечистый парень. Токарь. Бывший комсомолец. Партизан. Он всегда самоуверен и спокоен, как бывают спокойны очень сильные люди.

беру. Он показывает незатейливый медальон с тонкой серебряной цепочкой.

- А цепочка-то тебе зачем? - недоумеваю я.

Саша мнется, явно уклоняясь от ответа.

- Ну зачем тебе цепочка? Тут убить могут каждую минуту, а ты цепочку... - говорю я сердитым тоном.

- Да я, когда в деревне был, крестик нашел, так, вот, теперь цепочку надо.

Я начинаю смеяться:

- Что, значит, как сдребил, так и крестик? А почему тебя в комсомоле учили? Ишь, какой набожный! И опять же, крестик ты спер...

Тон у меня шуточный, но Саша обижается:

- Чего вы ко мне привязались? Крестика я не пер, он все равно брошенный был, а что насчет сдребил, так все сдребили. Вы вот не знаете, а небось все крестики понадевали.

- Ну, а твой теска-то, небось, не надел!

Его теска, Саша З., тоже бывший московский комсомолец, человек необыкновенно чистой души и совести. Он даже кажется слишком скромным - этот бесстрашный разведчик и герой, Саша З.

Саша задумывается и замолкает.

А на другой день, совершенно случайно, я заметил в кошельке Саши З. тоже маленький серебрянный крестик. Я все понял. Саша З. не мог сразу надеть крестик, и в этом маленьком штрихе был весь он.

Так перед лицом могучей, злостной стихии, делали первые робкие шаги по незнакомой дороге бывшие комсомольцы, бойцы РОА - сына нашей Родины.

IV.

Пасха 1945 года.

Наши надежды, наши мечты разбились о пулеметные вышки, запутались в колючей проволоке лагеря военнопленных. Мы всеми брошены, всеми оставлены. Душа и сердце замерли. Голова не работает. Тело порой тянется к земле. Тихо. Лишь кое-где раздаются плач или истерический смех, да, порой, выкрики, ищущих своих знакомых в море человеческих тел, солдат.

Из соседнего городка доносится бой колокола. Невольно считаешь один... два... три... двенадцать.

- Братцы! Двенадцать часов! Ведь сейчас Христос Воскресе! - слышался из темноты чей-то голос.

Невольно перед глазами поплыли другие картины. Еще тоскливее, еще горше стало от этих воспоминаний. Вдруг кто-то тихо запел:

- Христос Воскресе из мертвых...

Пленные, сначала тихо, а потом все громче и громче запели один за другим. Песнь победившему смерть росла, ширилась все громче и звучнее, захватывала все новые и новые голоса и, наконец, слилась в мощный хор многих сотен людей. Казалось, люди забыли о своем безвыходном положении и в кромешной тьме, под холодным дождем славили воскресшего Христа.

Заволновалась американская стража. Брызнул снопом прожектора - в ослепительно ярком овале стояли сотни людей с непокрытыми головами и, истово крестясь, славили Того, кто дал им счастье обрести веру в будущее, вернул им мир и успокоил их души.

* * *

Так на дорогах войны и страданий рождалась вера.

И.К.

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ
(Неотосланное письмо)

Рассветает. Не сплю я: в постели
Меня душит мучительный сон -
Ты идешь в своей прежней шинели,
Без буражки, ремня и погон.

По дороге, дождями размытой,
Одинокие чахли кусты.
Шел ты прямо, и взор был открытый,
Кровь сочилась на лбу сквозь бинты.

Тусклой злобой холодной сверкали
Молчаливых конвойных штыки.
Впереди стлы синие дали
И томилась поля широки...

Я проснулась, безумьем об"ята,
Сердце птицей металось шальной:
Неужели, в одежде солдата
Для того ты простился со мной?!

Помню утро.- Взволнованным шагом
Ты вошел и застыл у дверей.
За окном, под Андреевским флагом
Шел отряд твоих смелых друзей.

Все в тебе было просто и ново,
Только знала попржнему я,
Что ты в сердце желанное слово
Боязливо таил от меня.

Я ждала... Лишь секунды глухие
Медный маятник резко считал. -
Ты расправил ремни боевые
И... неловко мне руку пожал...

Знаю я, не мечтал ты о славе,
Знаю я, ты не мог не идти.
Я молилась, чтоб Бог не оставил
Вас одних среди бед на пути.

Неумело молитвы шептала,
На коленях встречала рассвет...
Верю я - вас гроза миновала,
И в лесах затерялся ваш след.

Ветры жарких боев отшумели
Не для тех, кто был скромн и смел...
Ты вернешься в походной шинели,
Скажешь все, что сказать не успел.

А.Р.

В. Волгин.

О ТАКТИКЕ БЕЗ РОМАНТИКИ.

От редакции: В "Борьбе" № 7/8 нами
была помещена статья "Вопросы нашей такти-
ки. Считаю, что вопросы, затронутые этой
статьей, должны быть обсуждены всеми наши-
ми читателями, мы охотно предоставляем
право г-ну Волгину высказать в дискусион-
ном порядке свои взгляды на страницах на-
шего журнала.

Революционная романтика вещь хорошая, только до тех пор,
пока она служит темой для литературного воспеваия революции.
Это вещь вредная, когда она пристегивается к революционному дей-
ствию и это абсолютно недопустимая, пагубная вещь, когда она под-
меняет трезвый всесторонний расчет в вопросах установления такти-
ки политической организации.

К сожалению, именно такой романтики есть вдоволь в № 7/8
журнала нашей славной молодежи "Борьба", в статье, посвященной на-
шему отношению к проблеме военного столкновения между большевиз-
мом и западными демократиями. Статья рассматривает этот вопрос
в широком плане принципиальных тактических установок РОД, в совре-
менных условиях, и решает его совершенно недвусмысленно; а именно:
Мы должны быть против такой войны, так как она связана с крупней-
шими человеческими и материальными жертвами для нашего народа, с
неизбежным порабощением нашей Родины победителями, порабощением,
несовместимым с ее честью и достоинством. Мы за свержение Стали-
нского большевизма путем революции изнутри.

Как и остальной материал этого номера журнала, упомянутая
статья "Вопросы нашей тактики" отличается подлинным, прекрасным
чувством любви к России, верой в ее славную будущность и отчет-
ливым сознанием великой политической ответственности нашей перед
народом. Но этим и исчерпываются ее достоинства. Строить тактику
политической организации нельзя и на этих только высоких чувст-
вах. Приведенный в статье тактический расчет ложен. В нем - желаемое,
революционная мечта, диктуемая, видимо, самими лучшими по-
буждениями, подменяет суровую историческую действительность.
Прежде всего, - о недопустимой методологической путанице, по по-
воду положений, которые, как будто бы, должны почитаться элемен-
тарными.

К числу таких элементарных положений безусловно относятся
следующие:

1. При установлении тактики политической организации, с
неизменной идеологией в меняющихся исторических условиях, необхо-
димо суметь точно определить рамки, в которых тактика эта может
осуществляться и видоизменяться, преследуя неизменную конечную
цель. Другими словами, нужно суметь точно определить, по крайней
мере в основных чертах, то, что марксисты называют "железным хо-
дом истории", т.е. зависящую от основных движущих сил историче-
ского процесса реальную обстановку, являющуюся для политической
организации и ее тактики категорическим императивом.

2. Нельзя провозглашать принципиальные тактические лозунги,
несовместимые с координальными факторами ближайшего исторического
будущего или противоречащие им.

Такое именно досадное "грехопадение" и случилось с автором
упомянутой статьи. Посвятив 2/3 ее доказательству того, что все
обойдется благополучно, без войны, путем революции изнутри, если
над совершением этой революции добросовестно потрудиться. Он
тут же, что называется "не держит"

что делая ставку на революцию мы тем самым сможем предотвратить войну. Нет, сроки войны надвигаются катастрофически быстро. Война предрешена исторической ситуацией".

Спрашивается, из-за чего тогда было изнутри - сверженчески и огород-то городить две с половиной страницы подряд? Наивно не только думать, что такой "ставкой" можно предотвратить войну, как говорит автор, еще наивнее провозглашать тактический лозунг, не считающийся с решающим событием ближайшего исторического будущего, которое самим провозглашающим считается непредотвратимым. И тем более наивно, если не хуже, всерьез полагать, что провозглашением каких бы то ни было "ставок" вообще можно по существу отмахнуться от принципиальных тактических вопросов, которые необходимо не так и этак, не на тот и на этот случай, а недвусмысленно решать в свете осознанной неизбежности надвигающихся событий.

В самом деле, что обозначает практически, делая вывод о неизбежности войны в ближайшее время, заниматься псевдо-патриотической декламацией о том, что мы против свержения сталинской диктатуры с вооруженной помощью западных демократий, потому-что, де, национальные "издержки" в проведении такого хирургического удаления большевистской опухоли с нашего народного тела - будут весьма значительны?

Что обозначает практически утверждение, что мы против войны, потому-что, де, она несет с собою крупные жертвы со стороны народа и "порабощение" нашей Родины западными победителями в случае их успеха?

Автор статьи рекомендует каждому члену СМНР продумать эти тезисы "до конца." Этот совет в первую очередь должен быть отнесен к самому автору. Ибо, если эти тезисы правильны, то "продумывание до конца" приводят к одному неизбежному выводу, а именно: революционно-демократические силы народов России, находящиеся за рубежом, должны строить свою тактику из расчета на отрицание возможности их сотрудничества с западными демократиями во время и в процессе подготовки этих последних к неизбежной войне с большевизмом. А если поставить вопрос: кому нужна такая, с позволения сказать, "тактика", то получится и второй неизбежный вывод - никто, - кроме Кремля. Вот куда заводит псевдо-патриотическая романтика, если она служит основанием для построения тактических расчетов политической организации.

Если можно в общем и целом согласиться с автором в части рекомендуемых им мероприятий на случай возникновения войны, то тут же следует отметить, что на основе провозглашаемых им тезисов, этих мер осуществить не удастся. Необходимым пред условием для успешного проведения их в жизнь будет широкое предварительное политическое соглашение между российской революционной демократией, как зарубежной так и внутрироссийской, с одной стороны, и политическим руководством западных демократий, с другой. Рекомендуемые же автором для "продумывания до конца тезисы", исключают возможность такого соглашения, столь необходимого еще в довоенное время.

Весьма возможно, что готовясь к явно навязываемой им большевизмом войне, государственные люди Запада приумножат свои и без того многочисленные ошибки в большевистском вопросе. еще на одну, на этот раз такую, за которую им придется расплачиваться действительно тяжело. Возможно, ослепленные расчетами на сокрушительную мощь своего военно-технического потенциала, они вообще не будут искать политических соглашений с российскими антибольшевизмами и, тем самым, позволят большевизму опять сконцентрировать громкую, не поддающуюся штабному учету мощь национального сопротивления, на которую способны народы России.

может только бессовестный болтун, даже если он и штабной болтун. Старинная русская пословица "не хвались идучи на рать..." несмотря на тысячелетнюю свою давность и по сей час не потеряла своей значимости для тех, кто рассчитывает иметь дело с народами России на поле брани. Но одно уже теперь можно утверждать с полной достоверностью. В случае военного столкновения между большевизмом и западными демократиями, если государственное руководство последних остановится только на методе военного разгрома, без использования помощи антибольшевистских русских сил на основе широкого политического соглашения, "не затрагивающих чести и независимости нашей Родины", то быстрой и победоносной войны западным демократиям добиться не удастся. Борьба будет длительной и кровавой. Такая война для государств тоталитарного типа может закончиться плохо. В этом последнем соображении, кремлевское руководство, между прочим, усматривает один из сильных своих козырей, позволяющих ему вести рискованную политическую игру.

Если упомянутые тактические лозунги автора статьи срывают всякую практическую допустимость предварительного сотрудничества между антибольшевистской российской общественностью и потенциальными военными противниками большевизма, то его соображения, касающиеся возможности свержения сталинской диктатуры изнутри в мирное время - не менее неверны и вредны для нашего общего дела.

Беда не только в том, что приводимые им восемь тезисов, согласно которым обстоятельства для свержения советской власти будто бы назревают, является голословным, личным, ни на чем не основанным, мнением автора, видимо, плохо разбирающимся в реальной советской обстановке - дело в том, что одной из основных наших задач здесь является правильная ориентация иностранного общественного мнения и российского зарубежья в вопросах советской действительности. С этой точки зрения упомянутые тезисы должны быть решительно осуждены. Всякая легкомысленная болтовня о серьезных политических и тем более революционных опасностях, угрожаемых изнутри сталинской диктатуре, в условиях мирного времени, только вводит в заблуждение тех, кто это читает. Наша задача состоит совсем не в том, чтобы дезориентировать ту небольшую часть мирового общественного мнения, которая прислушивается к нашему голосу. Наша важнейшая задача здесь состоит в том, чтобы ориентировать их правильно на совершенно реальные, исключительные трудности для Запада, которые предстоят ему в схватке не на живот, а на смерть с большевизмом.

Следует полагать, что государственный разум и политический опыт Запада сумеет подсказать ему необходимость своевременных, совершенно обязывающих, недвусмысленных формулировок по этому вопросу еще до возникновения чрезвычайных обстоятельств. Наша же прямая обязанность, в порядке правильной ориентации Запада о советской действительности, уже теперь отметить следующее: если при решении вопроса будущей политической и хозяйственной судьбы нашей Родины, будет стоять так, что сталинская диктатура будет заменена долголетней иностранной, хотя бы и демократической военной оккупацией, с возложением на народы России, так называемой, "коллективной вины" за большевизм, то охотников бороться за такую замену в России много не найдется. Наоборот, охотников бороться против такой замены там будет порядочно. Что при таком положении получится - предусмотреть трудно; но картина будет невеселая, и притом, не только для побежденных, но и для победителей.

Нам же нужно строить свою тактику не из расчета на мнимые возможности свержения большевизма изнутри в условиях мирного времени. Принятие такого положения обозначало бы конкретно: физический разгром драгоценнейшего человеческого материала кадров и сокрушение веры...

удут выдвинуты перед антибольшевистским российским зарубежьем умолимым ходом исторического процесса, будет быстро становиться все актуальнее.

И "больной" вопрос о том, чтобы западные победители в евразийской войне не свихнулись бы в своей российской политике на какой то новый вариант розенберговщины - будет решаться русскими антибольшевиками не лозунгом: "мы против войны", как это легкосленно делает автор вышеупомянутой статьи, а в совершенно иной обстановке.

-----0-----

ОТКРЫТАЯ ПОЧТА.

Еще Ек. Мусковой (Женева).

Редакция "Борьбы" весьма признательна Вам за об"ективную оценку работы журнала, высказанную Вами в "Новом Русском Слове" от 29 февраля 1948 года, в статье "О спорах там и тут". Вы пишете: "...Несколько отличается от "Посева", "Отдыха", "Грани" и др. журнал власовцев "Борьба". Этот журнал боевой, рвущийся к борьбе. Но... вождем своим, символом движения, эти люди выбрали погибшего на виселице ген.Власова. Символ плохой: немецкая мундирная не так легко может быть заменена русским революционным одеянием, сколь бы героичны сами они не были..."

Следуя традициям русской старины "долг платежом красен", мы читаем себя обязанными ответить взаимностью на Ваши комплименты: Ваши приемы по разложению российской эмиграции несколько отличаются от приемов штатных агентов, засылаемых Москвой. Чувствуется знание психологии. Но... Ваш ветхий плюсовый салопчик русской эволюционерки давно распоролся по всем швам и сквозь его прорехи теперь проглядывает новая ярко-розовая подкладка советской патристки. Не так легко в этом искусно-модернизированном одеянии водить в заблуждение честных читателей своей революционностью, коль бы упорно Вы не твердили о будущем исцелении России от коммунизма.

Примите уверения в нашем почтении к Вашей глубокой старости в нашем соболезновании по поводу всех недугов, естественно вытекающих из Вашего возраста.

"Борьба".

Г-ну Двинову (Нью-Йорк).

Вашу статью "О власовцах", помещенную в "Новом Русском Слове" от 29.4.48 г., в которой Вы с резко выраженной тенденциозностью пытаетесь доказать, что власовское движение "в корне порочно", мы расцениваем, как провокационную, рассчитанную на вызов откликов с нашей стороны, которые Вы, в свою очередь, котировали бы, как антисемитские.

Почин в обвинении в антисемитизме некоторых журналов ОДНР Вы уже сделали, хотя "За Родину" выступал не против евреев, а против журналистов, обливающих помоями власовцев и их движение.

Ваши обвинения были необоснованы. Мы прекрасно знаем разницу между Каплан и Троцким, между Кенигиссером и Урицким, между Гоцем и Кагановичем, между Ливером и Мехлисом. Нас не сделали антисемитами зиновьевы, каменевы, ягоды, бриновские, заковские, пеплевские, бирини и коганы. Нас не принудила стать погромщиками национал-социалистическая Германия. Нас не спровоцируют на антисемитизм аронсоны и гуревичи!

Но мы обращаемся к Вам не как к господину Гуревичу-Двинову, а как к члену РСДРП, как к члену партии, борющейся за демократический спасение России. В это трудное для нас время, не

принуждать нас растрачивать наши силы на отражение нападков с тыла... да еще нападков российских демократов, которые (увы!) иногда не брезгают нечестными приемами.

"Борьба".

Редактору еженедельника "Посев".

Многоуважаемый Господин редактор!

В номере 21(104) Вашего еженедельника помещена статья Е.Лайенса "Загадочная армия генерала Власова". На стр. 7-й, в конце левой колонки и в начале правой у Вас вкралась явная неточность перевода. Текст подлинника гласит:

"While pledging a vast amount of socialization, it declared against forced collective economy. Rightist émigrés of the Tsarist generation assailed the Manifesto as too red, Soviet sympathizers denounced it as "reactionary" ("The American Mercur", февраль 1948 г. стр.90, строка 18)

Нами *) этот текст переведен следующим образом:

"В то время, как он обещал значительную долю социализации, он высказывался и против принудительной коллективной экономики. Правые эмигранты старого поколения считали Манифест слишком красным, симпатизирующие Советам отвергали его, как "реакционный". (Подчеркнуто нами.Ред.).

В Вашей же редакции вторая часть абзаца явно расходится с нашим переводом:

"Защищая обобществление хозяйства во многих его областях, Манифест отрицал насильственное введение коллективного устройства, называя всю эту схему будущей России национально-трудовым строем. (Подчеркнуто нами.Ред.).

В виду того, что в нашу редакцию поступили заявления читателей с обвинениями нас в тенденциозности и умышленном искажении текста подлинника (речь идет только о вышеприведенном абзаце) и читатели в доказательство своих обвинений ссылаются на Ваш перевод, мы, в целях восстановления истины, просим Вас внести на страницах Вашего еженедельника соответствующие разъяснения по данному вопросу.

Редактор "Борьбы".

*) "Борьба" № 7/8, стр.32.

-----00000-----

ПЕРЕПИСКА С ДРУЗЬЯМИ.

Г-ну Ан-ву (Регенсбург).

Редакция "Борьбы", искренне благодарна Вам за Ваше теплое, дружеское письмо.

Ваши воспоминания о первой встрече с А.А. Власовым будут напечатаны в августовском номере "Борьбы".

Жителям лагеря Лютензее.

Ваше обращение к Д.П. направлено в редакцию свободного органа. Если она откажется поместить его, мы сделаем это в своем журнале.

№1301.

Благодарим Вас за почин

не забывайте о просьбе редакции к Вам лично - пришлите интересные нас материалы.

асовцу 860.

Ваше письмо получено. Просим сообщить нам, какие политические темы интересуют Ваших друзей. Сообщите также, можно ли у Вас проводить лекции - пришлем лектора.

тору "Три трибунала".

Ваша оригинальная статья будет нами использована.

ну Б.

Благодарим Вас за присланные Вами воспоминания о подготовкешей воинской части органами НКВД к ликвидации предполагаемого восстания при выселении станицы Полтавской. Материал будет использован при составлении "Истории борьбы народов России с советской властью".

читателям "Борьбы" в Бельгии.

По поручению "Центральной Тройки" доводим до Вашего сведения, что г-н Морозов с Союзом Борьбы за Освобождение Народов России не связан и представлять нашу организацию в Бельгии не полномочивался.

====oOo====

Борьба с благодарностью печатает имена чистателей, приславших пожертвования на расширение тиража журнала:

Г-н Г-к (Кемптен)	75	РМ.
Г-н Валентин (Шляйсхайм).....	20	"
Г-н Левашко (Регенсбург).....	50	"
Рабочие "Индианы".....	123	"
Г-н Н.Р. (Шляйсхайм).....	40	"
№ 550.....	30	"
Г-жа Вера (Шляйсхайм).....	5	"
Г-н Г.Н. (Шляйсхайм).....	500	"
Читатели из лагеря Гогенфельс.....	350	"
Г-н В.М.П.....	50	"
Читатели из Эрлингена.....	300	"
Г-н С-ко. (Французская зона).....	10	"
Г-н А.....	5	"
Г-н А.У. (Виберах).....	10	"
Г-н А.К.Б. (Мюнхен).....	50	"

РОЗЫСКИ.

Семья разыскивает Владислава Исакиевича ШЕЙКО (юриста), проживавшего в Альт-Глиник (Барлин).

Таисия Аверьянова разыскивает брата АВЕРЬЯНОВА Михаила Михайловича, 1925 года рождения, уроженца станицы Карамышево (Лсков).

Знающих что-либо о судьбе Петра СЛИЖЕВСКОГО, Николая КАРЧАГИНА, Григория ПОДШЕБЯКИНА - просят сообщить о них редакции.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Все материалы, пожертвования, сведения о разыскиваемых спасай Россия! только по цепочке, по которой доходит "Борьба".